

“Между ними,
как непрощенный третий,
стояла вина”

Клэр Чемберс Простые радости

роман

CoRpus

Клэр Чемберс
Простые радости

«Corpus (ACT)»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Чемберс К.

Простые радости / К. Чемберс — «Corpus (ACT)», 2021

ISBN 978-5-17-122419-6

В 1957 году в английской прессе появляются статьи о том, что непорочное зачатие все-таки возможно. И когда в газету «Эхо Северного Кента» приходит письмо от читательницы, Гретхен Тилбери, сообщающей, что именно это с ней и произошло, журналистка Джин Суинни берется расследовать эту историю. Но расследование меняет не только жизнь семьи Гретхен, но и тихую размеренную жизнь самой Джин – она обзаводится новыми друзьями, неожиданно встречает любовь. Однако за счастье приходится расплачиваться. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-122419-6

© Чемберс К., 2021
© Corpus (ACT), 2021

Содержание

1	7
2	13
3	19
4	21
5	27
6	35
7	42
8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Клэр Чемберс

Простые радости

Посвящается Питеру

Clare Chambers
Small Pleasures

© Clare Chambers, 2021 All rights reserved

© Е. Гершензон, перевод на русский язык, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

Издательство CORPUS®

Авария на железной дороге

В ЧАС ПИК ПОЕЗДА СТОЛКНУЛИСЬ В ТУМАНЕ – МНОГО ПОГИБШИХ

Вечером 4 декабря, в предместье Лондона, когда одна часть населения возвращалась домой со службы, а другая отправилась за подарками к Рождеству, разыгралась трагедия: два поезда столкнулись в густом тумане под Нанхедской эстакадой. Поезд на Хейс с вокзала Чаринг-Кросс и локомотив в 4.56 с Кэннон-стрит до Рамсгейта выбились из графика из-за неблагоприятной погоды. Вагоны были переполнены, многие пассажиры ехали стоя.

В 6.20 поезд на Хейс остановился на семафоре у Сент-Джонса, и тут же в его последний вагон врезался локомотив. Это привело к катастрофе, жертвами которой стало более восьмидесяти человек; и еще двести получили ранения.

Локомотив завалился набок и врезался в стальную опору эстакады, в результате чего часть моста обрушилась и придавила два вагона. Тем временем с Холборнского виадука к рухнувшему участку моста приближался третий поезд, однако машинисту удалось резко затормозить и предотвратить еще одно крушение. Вагоны сошли с рельсов, но никто не пострадал.

Спасательные работы с участием пожарных, полиции, сотрудников железной дороги, врачей и медсестер затрудняли туман и темнота. Ситуацию усугубляло и то, что мост в любую минуту мог рухнуть прямо на спасателей и запертых в вагонах пассажиров.

Но всю эту долгую тревожную ночь к месту аварии прибывали все новые и новые волонтеры, а многие местные жители распахнули двери своих домов, чтобы помочь пострадавшим. Одиннадцать машин скорой помощи развозили раненых по окрестным больницам.

Новость о происшествии распространялась стремительно, местные телефонные линии были перегружены звонками взволнованных родственников. Сотни пассажиров всю ночь не могли выехать из Лондона, поскольку движение в направлении Кента было полностью перекрыто.

Многие погибшие и раненые были жителями Клок-Хауса и Бекенхэма. Именно на этих станциях выход на платформу расположен ближе к задним вагонам, на которые пришлась основная сила удара при столкновении.

Администрация Южного района немедленно приступила к расследованию причин катастрофы.

“Эхо Северного Кента”, пятница, 6 декабря 1957 года

1

Июнь 1957 года

Заметка, с которой все началось, была даже не на первой странице, а на пятой, зажатая между рекламой Школы танцев Патришии Бриксы и отчетом о ежегодном собрании либералов Северного Крофтона. Речь в ней шла о недавнем исследовании партеногенеза у морских ежей, лягушек и кроликов, и автор делал вывод, что, вероятно, и у людей размножение может происходить подобным образом. Большинство читателей “Эха Северного Кента” пропустили бы эту неприметную статейку, если бы не мелодраматический заголовок: “Для продолжения рода мужчины больше не нужны!”.

В результате сумка почтальона непривычно раздулась от писем негодующих читателей, причем не только мужчин. В частности, миссис Берил Диплок из Сент-Пол-Крей заклеила высказанные в статье соображения как опасные и нехристианские. Многие читательницы подчеркивали, что такое предположение непременно даст и без того ненадежным особям мужского пола предлог уклоняться от их прямых обязанностей.

Но одно письмо стояло особняком. Оно было от некой миссис Гретхен Тилбери с Бердетт-роуд, 7, Сидкап и содержало буквально следующее:

Уважаемый редактор!

Меня заинтересовала ваша заметка “Для продолжения рода мужчины больше не нужны!”, опубликованная на прошлой неделе. Я всегда считала, что моя собственная дочь (сейчас ей десять лет) родилась без какого-либо участия мужчины. Если вы хотите узнать больше, можете написать мне по вышеуказанному адресу.

Очередное редакционное совещание – обычно унылое мероприятие, на котором распределяют задания на неделю, планируют следующий выпуск и разбирают ошибки и промахи предыдущего, – прошло необычайно оживленно.

Джин Суинни, редактор отдела, ведущая рубрик, а заодно исполнительница мелких поручений и единственная женщина за столом, взглянула на письмо, которое ее коллеги передавали из рук в руки. Наклонный почерк и странные континентальные петельки напомнили ей о ее школьной учительнице французского. Она так же перечеркивала семерку, а тринадцатилетняя Джин считала это верхом изысканности и даже пыталась копировать, но ее мать положила конец опасной вольности. Реши Джин писать кровью, она едва ли возмутилась бы сильнее: в глазах миссис Суинни все иностранцы были немцами и людьми без стыда и совести.

При мысли о матери Джин вспомнила, что по дороге домой надо забрать ее туфли из ремонта. Для нее оставалось загадкой, зачем человеку, так редко выходящему из дома, столько пар обуви. Еще требовалось купить сигареты, масло мяты перечной, а также почки и шпик, на случай, если ей будет не лень испечь на ужин пирог. Иначе опять “яичница на скорую руку”, вечный запасной вариант.

– Кто-нибудь желает поехать взять интервью у Богородицы Сидкапской? – спросил Ларри, редактор отдела новостей.

Дружно скрипнули стулья – желающих не нашлось.

– Не мое это, – сказал Билл, редактор отдела спорта и развлечений.

Джин медленно протянула руку к письму. Она знала, что рано или поздно оно попадет к ней.

– Отличная мысль, – сказал Ларри, пуская дым через стол. – В конце концов, это женская тема.

– Стоит ли поощрять чокнутых? – усомнился Билл.

– Может, она и не чокнутая, – мягко возразил редактор Рой Дрейк.

Джин улыбнулась, вспомнив, как она его боялась, когда молоденькой девушкой только пришла в газету, какой трепет ее охватывал, когда он вызывал ее к себе в кабинет. Но вскоре ей стало ясно: он вовсе не из тех, кому нравится держать в страхе подчиненных. Отец четырех дочерей, он и к остальным женщинам относился с теплотой. И потом, трудновато трепетать перед человеком, который носит такие мятые костюмы.

– Как же не чокнутая? – не унимался Билл. – Ты что, веришь в непорочное зачатие?

– Нет, но любопытно узнать, почему миссис Тилбери верит.

– Письмо она хорошее написала, – сказал Ларри. – Немногословное.

– Это потому, что она иностранка, – заметила Джин.

Все посмотрели на нее.

– Ни одна англичанка так буквы не пишет. И потом это имя – “Гретхен”.

– Понятно, что тут нужна деликатность, – сказал Рой. – Значит, интервью брать тебе, Джин.

Сидящие вокруг стола закивали. Никто не собирался с ней конкурировать.

– В любом случае, первым делом поезжай знакомиться. Ты наверняка сразу разберешься, шарлатанка она или нет.

– Пять минут с ней наедине – и я скажу вам, девственница она или нет, – сказал Ларри, и все засмеялись.

Он откинулся на спинку стула – локти расставлены, пальцы сцеплены за головой, под рубашкой отчетливо проступили очертания майки.

– Она же не пишет, что так и осталась девственницей, – высказался Билл. – Это было десять лет назад. С тех пор могла и повидать кое-что.

– Не сомневаюсь, что Джин справится и без вашего экспертного мнения, – сказал Рой, не одобрявший таких разговоров.

Джин чувствовала, что без него беседа быстро приняла бы грубоватый оборот. Забавно, что в присутствии Роя все следили за языком, чтобы не оскорбить его пуританских чувств. При этом к Джин они относились как к “своему парню”. И обычно это ей льстило. Но иногда она замечала, что с женщинами помоложе и покрасивее они обращаются иначе – и эта неуклюжая смесь галантности и заигрывания по отношению к другим приводила ее в уныние.

Остаток рабочего дня Джин сочиняла колонку “Хозяйкины хитрости” и “Свадебные зарисовки” – обзор бракосочетаний прошлой недели.

После приема в общинном центре Сент-Пол-Крей мистер и миссис Плорниш отправились в свадебное путешествие на Сент-Леонард, невеста в бирюзовом пальто и с черными аксессуарами...

Колонка про домашнее хозяйство была легче легкого, потому что все советы поставляли преданные читатели. На первых порах Джин проверяла некоторые из них на практике до публикации. Теперь же ей нравилось отбирать самые несуразные.

Покончив с колонкой и обзором, она написала короткое письмо Гретхен Тилбери, спросила разрешения приехать поговорить с ней и ее дочерью. Поскольку номер телефона не указан, нужно было договариваться письменно. В пять Джин накрыла чехлом пишущую машинку, занесла письмо в отдел корреспонденции и вышла из редакции.

Ее велосипед, прочное сооружение с массивной рамой, доставшееся ей, как и почти все ее имущество, по наследству от многих поколений семейства Суинни, стоял у ограды. А прямо на пути к нему сплелись в тесном объятии машинистка и парень из типографии. Джин знала девушку в лицо, но не по имени; журналисты нечасто имели дело с сотрудниками других отделов.

Чтобы пробраться к велосипеду, ей пришлось обходить эту парочку, и чувствовала она себя при этом очень глупо; в конце концов они заметили ее и, хихикая и извиняясь, подвинулись. В том, насколько они были поглощены друг другом, было что-то обидное, и Джин пришлось напомнить себе, что к ней это не имеет отношения – просто универсальный симптом любовного недуга. А те, кто им поражен, заслуживают не осуждения, а жалости.

Джин вытащила из кармана шелковый платок и туго завязала его под подбородком, чтобы волосы не лезли в лицо во время езды. Потом втиснула сумку в корзинку на руле, вывезла велосипед к бордюру и, отточенным движением расправив под собой юбку, вскинула себя в седло.

Дорога от здания газеты в Петтс-Вуде до дома в Хейсе занимала всего десять минут, и даже в это время машин почти не было. Солнце стояло высоко в небе; впереди еще несколько часов дневного света. После того как она побудет с матерью, может, останется еще время заняться садом: выползшая из-под соседского забора и угрожающая рядам фасоли сныть требовала неусыпной бдительности.

Копаться в грядках летним вечером – сама мысль об этом приносила бесконечное умиротворение. Лужайки – передняя и задняя – подождут до выходных. Это и без того тяжелая работа, а тут еще придется заодно стричь соседскую траву. Так бывает: сначала – порыв великодушия, а потом одолжение превращается в обязанность, которую одна сторона выполняет все менее охотно, а другая принимает все менее благодарно.

Джин затормозила возле цепочки магазинов, которая тянулась, изгибаясь вниз по холму от станции. Стейк и почки – слишком долго, но мысль о неизбежной яичнице на ужин подействовала на нее угнетающе, и она купила в мясной лавке телячьей печенки. Можно приготовить ее с молодой картошкой и зеленой фасолью с огорода. С остальными пунктами списка тянуть не стоило – в половине шестого все закроется, а она хорошо себе представляла и реакцию матери, если та останется без туфель и лекарств, и собственные мучения, если кончатся сигареты.

Когда она наконец добралась до дома – скромной одноквартирной постройки 30-х годов, повернутой задом к парку, – радостное настроение испарилось. Укладывая в клетчатую хозяйственную сумку печенку в вошеной бумаге, она умудрилась два раза капнуть кровью на свою серую шерстяную юбку – и ужасно на себя злилась. Юбка совсем недавно побывала в чистке, и Джин по собственному опыту знала, что пятна крови – самые стойкие.

– Джин, это ты? – Голос матери, тревожный, полный упрека, плыл вниз по лестнице в ответ на скрежет ее ключа в замке – как всегда.

– Да, мама, кто же еще, – ответила Джин, как отвечала всегда – чуть более или менее раздраженно, в зависимости от того, как прошел ее день.

Мать появилась на площадке и помахала голубым конвертом.

– Пришло письмо от Дорри, – сказала она. – Хочешь прочитать?

– Может, попозже, – ответила Джин, снимая платок и освобождаясь от разнообразных пакетов.

Ее младшая сестра Дорри была замужем за кофейным плантатором и жила в Кении; для Джин это было все равно, что на Венере – такой далекой и непредставимой казалась эта новая жизнь. У Дорри были и слуга, и кухарка, и садовник, и ночной сторож – для защиты от злоумышленников, и ружье под кроватью – для защиты от ночного сторожа. В детстве сестры были очень близки, и сначала Джин безумно по ней скучала, но по прошествии стольких лет свыклась с тем, что не видит ни ее, ни ее детей. А мать так и не смогла.

– Есть что-нибудь вкусненькое на ужин?

Завидев бумажный пакет с туфлями, мать, морщась, начала медленно спускаться по лестнице.

– Печенка, – сказала Джин.

- О, отлично. Умираю с голоду. Я весь день ничего не ела.
- Да почему же? В кладовке полно продуктов.
- Почувствовав отпор, мать немного пошла на попятный.
- Я очень поздно проснулась. Вместо обеда съела овсянку.
- То есть что-то ты все-таки ела.
- Да разве это еда?

На это Джин отвечать не стала, а отнесла покупки в кухню и выгрузила их на стол. Комната выходила на запад, и заходящее солнце наполнило ее теплым ярким светом. Муха жужжала и билась об оконную раму, пока Джин не выпустила ее наружу, попутно заметив пятнышки на стекле. Еще одно дело на выходные. По четвергам с утра приходила уборщица, но, по мнению Джин, за отведенное ей время она очень мало что успевала, если не считать сплетен с матерью. Впрочем, это тоже в некотором роде работа, и Джин заплатить за нее пять шиллингов было не жалко. Разве что чуть-чуть.

Пока мать примеряла вернувшиеся из починки туфли, Джин сняла юбку, встала у раковины в блузке и комбинации и внимательно изучила пятна засохшей крови. В занавешенном шкафчике отыскала коробку с тряпками – бренными останками погубленных предметов одежды – и при помощи отрезанного рукава некогда любимой хлопчатобумажной ночной рубашки принялась смачивать растворителем.

- Что это ты делаешь? – спросила мать, заглядывая ей через плечо.
- Кровью испачкала, – ответила Джин, хмурясь, когда ржавое пятно стало растворяться и расплываться. – Не моей. Это от печенки.
- Ну и неряха, – сказала мать и вытянула сухую лодыжку, чтобы полюбоваться туфлей – бежевой кожаной лодочкой на среднем каблуке.
- Вряд ли придется когда-нибудь их носить, – вздохнула она. – Но все же.

Пятно слегка поблекло, но увеличилось в размерах и по-прежнему было заметно на серой ткани.

- Вот черт, – сказала Джин. – Такая была подходящая юбка для велосипеда.

Она пошла наверх переодеться и взяла юбку с собой. Носить ее нельзя, но приговорить юбку к ящику с тряпками было выше ее сил. Пока что Джин сложила ее и убрала вниз платяного шкафа, как будто в один прекрасный день может обнаружиться какой-нибудь альтернативный способ использования непригодных к ношению юбок.

После ужина – печенки с луком, приготовленной Джин, и пудинга из консервированных груш со сгущенным молоком – Джин занялась поливом и прополкой, а мать уселась в шезлонг с библиотечной книжкой, которую она не то чтобы читала, а скорее держала в руках. Джин давно заметила, что мать никогда, даже в хорошую погоду, не сидит на улице одна – только за компанию. Из парка были слышны веселые крики детей, с улицы то и дело раздавался собачий лай вслед случайному прохожему, изредка с урчанием проезжала машина. Вместе с сумерками наступит тишина.

Женщины перебрались в гостиную, задернули шторы и зажгли лампы; сквозь их коричневые абажуры пробивался скупой желтоватый свет. Они сыграли за карточным столиком два кона в кункен, а потом Джин стала бесцельно перебирать содержимое корзины с вещами для починки. В последние несколько недель она совершенно забросила эту корзину, разве что иногда пополняла. Мать тем временем достала свой кожаный несесер для письменных принадлежностей, чтобы написать ответ дочери. Готовясь к этой задаче, она зачитала письмо Дорри вслух – очевидно, специально для Джин, поскольку мать была уже прекрасно знакома с его содержанием. То же самое она проделывала с газетными и журнальными статьями, когда тишина воскресных вечеров начинала ее раздражать.

Дорогая мама!

Спасибо за письмо. Похоже, у вас в Хейсе тишь да гладь. Хотела бы я так же написать и о нас – ан нет, все время что-то происходит. Кеннет сейчас живет на ферме – наконец-то появился новый управляющий, но его надо “объездить”. Будем надеяться, что он продержится дольше предыдущего, которого мы теперь между нами называем не иначе как “Вернон Неверный”. (На этом месте миссис Суинни хихикнула.)

Я записалась в клуб Китале, и пока Кеннет в отъезде, это мой второй дом. Можешь себе представить, что за “фрукты” там порой попадают. В пятницу я ходила на “Настоящую комедию” в постановке Театрального общества Китале. Пру Калдервел – признанная королева здешнего общества – была чудо как хороша в роли Лиз Эссендайн. Остальные актеры – как деревянные. Уровень такой, что я подумала: может, и мне стоит пройти прослушивание для следующей постановки!

У нас теперь щенок эльзасской овчарки, черный, по кличке Ндофу. Мы все от него без ума. Предполагается, что я его выдрессирую и он будет меня охранять, когда я здесь одна, но он такой добродушный, любому, кто его погладит, сразу подставляет пузо.

Через несколько недель дети приедут домой на каникулы, а пока я пользуюсь свободой, чтобы побольше заниматься теннисом. Беру уроки, а завтра у нас турнир смешанных пар. Со мной в паре дядька по имени Стэнли Харрис, ему под шестьдесят, но он так и не научился проигрывать и все время бросается на мою половину корта с воплем “Мой! Мой!”, так что мне ничего делать особенно и не придется.

Пора бежать на почту. Будь здорова. Очень люблю тебя и Джин.

Дорри

– Она написала превосходное письмо, – сказала мать Джин.

– Потому что жизнь у нее такая превосходная, – парировала Джин.

От этих беззаботных сводок новостей ей всегда становилось немного горько. Теплые воспоминания о том, как близки они были в детстве, теперь омрачены обидой, что их судьбы сложились так по-разному.

В полдевятого мать с усилием встала со стула.

– Пожалуй, приму ванну. – Она произнесла это так, будто мысль только что пришла ей в голову.

Хотя Джин иногда посещали сомнения насчет заведенных в доме порядков и она догадывалась, что другие люди живут по-другому, свободнее, ритуал материнских омовений перед сном она с удовольствием поддерживала. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, с полдевятого до девяти Джин была в доме хозяйкой и могла делать все, что ни пожелает. Могла слушать радио без комментариев, есть на кухне стоя, читать в полной тишине или, если ей в голову взбредет, носиться по дому голой.

Из всех доступных ей вольностей больше всего она любила расстегнуть пояс для чулок, вытянуться во весь рост на кушетке с пепельницей на животе и выкурить две сигареты подряд. Вообще-то ничто не мешало сделать это и при матери – то, что она ложится посреди дня, вызвало бы вопрос о ее самочувствии, не более, – но в компании от этого было гораздо меньше радости. Летом она практиковала такой вариант: босиком выходила в сад и выкуривала свои сигареты, лежа в прохладной траве.

Но в этот вечер, стоило ей стянуть несвежие чулки и запихнуть их в туфли, как в задней гостиной что-то ужасно загрохотало, будто с камина разом осыпались все изразцы. Расследование показало, что в каминную трубу провалился дрозд, что привело к обвалу сажи и трухи. Оглушенная птица несколько мгновений лежала на пустой решетке, а при приближении

Джин заметалась и забилась о прутья. Джин отпрянула, сердце заколотилось. Ни спасти, ни прикончить раненую птицу ей было бы совершенно не по силам. Потом она разглядела, что это – молодой голубь, черный от сажи и, возможно, не столько раненый, сколько перепуганный. Он выкарабкался из решетки и, хлопая крыльями, стал понемногу перемещаться по комнате, угрожая безделушкам и оставляя на обоях темные полосы.

Джин настежь распахнула двери в сад и постаралась препроводить голубя наружу резкими взмахами, больше подходящими для регулирования дорожного движения; наконец, почуввав свободу, он выпорхнул, пролетел низко над лужайкой и уселся на ветке вишни. Пока Джин стояла и смотрела на него, из-за кустов вышла соседская рыжая кошка и притаилась, явно замышляя недоброе.

Как только Джин вымела комья грязи из очага, стерла самые заметные пятна со стен и закрыла дверь от сырого, как из подземелья, запаха сажи, она услышала в трубе снаружи шум воды, сливающейся из ванны. Сигарету она выкурила, стоя у плиты, где грелось молоко для материнского какао.

Теперь, когда сердце перестало так колотиться, она чувствовала удовлетворение от того, что справилась с очередным домашним кризисом, не позвав никого на помощь – даже если представить себе, что было кого звать.

Опилки прекрасно подходят для чистки ковров.

Намочите опилки, разбросайте их тонким слоем по ковру, который нуждается в чистке, затем сметите жесткой щеткой. Они не оставят пятен даже на ковре самой нежной расцветки.

2

Дом под номером 7 на Бердетт-роуд в Сидкапе оказался постройкой тридцатых годов, и выглядел он получше, чем дом Джин. Аккуратный прямоугольник лужайки перед домом с трех сторон обрамляли симметрично высаженные ноготки и бегонии без единого сорняка. По краям низкой передней изгороди цвели одинаковые подстриженные гортензии. Латунный почтовый ящик и дверной молоток начищены до яркого блеска. Стоя на пороге и собираясь с духом, чтобы позвонить в звонок, Джин решила, что на обратном пути надо будет купить баночку полироля “Брассо”. Слишком уж просто пренебречь уборкой тех частей дома, которые мать все равно не видит.

Вскоре за витражным стеклом замаячила какая-то фигура, и дверь открыла тоненькая женщина лет тридцати с темными кудрявыми волосами, убранными от лица черепашковой заколкой. Она неуверенно переключивалась из руки в руку скатанную в ком тряпку для пыли и резиновые перчатки и в конце концов пристроила их на напольную вешалку.

– Миссис Тилбери? Я Джин Суинни из “Эха Северного Кента”.

– Да, проходите, проходите, – сказала женщина, одновременно протягивая Джин руку для рукопожатия и отступая, чтобы Джин могла пройти, так что до руки стало не дотянуться.

Когда с этим довольно неловким приветствием было покончено, хозяйка провела Джин в пахнущую воском для полировки гостиную, стерильную и неживую – такие используют только в парадных случаях.

У окна стоял маленький столик и два кресла одно напротив другого; миссис Тилбери указала Джин на то, что поудобней.

– Я подумала, вдруг вы захотите что-нибудь записать, – сказала она.

Ее иностранное происхождение выдавал не столько акцент, сколько едва заметная отрывистость речи.

– Спасибо, я обычно так и делаю, – ответила Джин, достала из сумки блокнот на пружине и ручку и положила их на стол.

– Я заварила чаю. Сейчас принесу.

Миссис Тилбери выскользнула из комнаты, что-то загремело на кухне. Джин воспользовалась отсутствием хозяйки, чтобы оглядеться и опытным взглядом оценить обстановку. Голые доски пола, потертый коврик, облицованный изразцами камин с пустым, выметенным очагом. В нише фортепиано, на нем полдюжины фотографий. На одной – семейная группа, все без улыбки застыли в эдвардианских позах: отец семейства стоит, его супруга сидит, держа на коленях младенца в крестильной одежде, девочка в переднике остекленевшим взглядом уставилась в объектив. Другая – сделанный в ателье портрет девочки лет девяти-десяти в облаке темных кудрей, наверное, самой миссис Тилбери, – глаза устремлены вверх, как будто с удивлением разглядывают что-то за кадром. На подоконнике африканские фиалки и декабрист; на стене – гобелен с альпийским пейзажем: горы в снежных шапках, деревянная лачуга посреди цветущих лугов; вышитая надпись “Дом, милый дом”.

Миссис Тилбери вернулась с подносом, на котором стояли две изящные фарфоровые чашечки, молочник, сахарница и чайник под вязаным колпаком. Когда она разливала чай, ее рука немного дрожала, и носик чайника стучал по краю чашки. Нервничает, подумала Джин. Или просто волнуется за свой парадный сервиз.

Теперь Джин разглядела ее как следует. Чистая бархатистая кожа, маленький прямой носик, миндалевидные голубые глаза, придающие лицу какую-то неанглийскую красоту, – природа была благосклонна к миссис Тилбери. Блузка с круглым воротничком заправлена в узкую юбку. Джин почувствовала восхищение пополам с завистью. Она и сама с удовольствием бы носила одежду, подчеркивающую талию, но у нее не было талии. Даже в юности она была плот-

ного телосложения. Не то чтобы толстая – порции никогда не были достаточно щедры, – но ее фигура, прямая сверху донизу, гораздо больше напоминала не песочные часы, а напольные.

– Вы не англичанка? – Джин постаралась, чтобы это не прозвучало как обвинение.

– Нет. Я швейцарка. Из немецкоговорящей части. Но живу здесь с девяти лет.

Они улыбнулись друг другу поверх чашек и сидели в молчании, пока Джин размышляла, стоит ли продолжить общий разговор о происхождении миссис Тилбери или лучше прямо перейти к конкретному вопросу.

– Нас всех очень заинтересовало ваше письмо, – произнесла она наконец. – Хоть и без подробностей, но весьма интригующее.

– У вас наверняка куча вопросов. Можете спрашивать меня о чем угодно. Я не против.

– Что ж, может быть, для начала расскажете мне, как родилась ваша дочь?

Миссис Тилбери сложила руки на коленях и повертела обручальное кольцо.

– Наверное, прежде всего стоит упомянуть, что хотя я и росла очень невинной девушкой, но откуда берутся дети, прекрасно знала. Мать у меня была строгая, очень религиозная – и конечно, ни о каких парнях и речи не было; но в неведении меня не держали. Поэтому, когда незадолго до моего девятнадцатилетия я пошла к врачу – чувствовала постоянную усталость и боль в груди – и он сказал, что у меня будет ребенок, я не поверила. Ведь я точно знала, что это невозможно: я даже не целовалась ни с одним мужчиной.

– Это было как гром среди ясного неба?

– Да, – сказала миссис Тилбери. – Но я правда думала, что так не может быть и скоро выяснится, что это ошибка.

– Вы ведь все это объяснили врачу, который вас осматривал?

– Ну да. Он сказал, что способ зачатия его не касается и я могу сколько угодно удивляться. Но факт остается фактом: я совершенно определенно жду ребенка.

– Другими словами, он вам не поверил?

– Видимо, нет. Он сказал, что я далеко не первая так удивилась, узнав о своей беременности. Но потом все смиряются, осознав, что отрицание бессмысленно; он надеется, что я тоже смирюсь.

– Какой ужасный человек, – сказала Джин с неожиданным для самой себя чувством. – Терпеть не могу врачей.

Возможно, миссис Тилбери и удивилась, но не показала этого из вежливости.

– Он, конечно, оказался прав. И сделал все, что от него требовалось, очень добросовестно, – мягко возразила она.

– Хорошо, потом вам стало ясно, что это не ошибка. И как вы себе это объяснили? То есть что, по-вашему, произошло? Вы подумали, что вас посетил Святой дух? Или что это какой-то медицинский феномен, который наука не может объяснить? Или как?

Миссис Тилбери беспомощно развела руками.

– Я не знаю. Я не ученый. И я не религиозна в отличие от матери. Я знаю только, чего не было.

– А что сказали ваши родители? Вам же пришлось им сообщить?

– Моего отца уже не было в живых, только мать.

– И она вам поверила?

– Конечно.

– Не каждая мать так доверяет своей дочери. – При мысли о собственной матери Джин пришлось подавить внезапную вспышку ненависти.

– Она же знала, что у меня не могло быть никаких отношений с мужчинами. Видите ли, во время предполагаемого зачатия я находилась в частной клинике, лечилась от острого ревматоидного артрита. Я четыре месяца была прикована к постели, и в моей палате были еще три молодые женщины.

– О!

Это сообщение поразило Джин. Притязания миссис Тилбери сразу стало гораздо труднее отмести, и Джин почему-то обрадовалась. Ей очень хотелось, чтобы рассказ оказался правдой – и не только из-за журналистской жадности до хорошей истории.

– Надеюсь, вы не будете против, если я проверю все даты и прочее? – сказала она.

– Конечно. Я находилась в лечебнице Святой Цецилии с начала июня сорок шестого года до конца сентября. Я обнаружила, что беременна, первого ноября, а Маргарет родилась тридцатого апреля сорок седьмого.

– А роды были не преждевременные?

– Нет. Даже поздние. Врачам пришлось ее поторопить: у меня очень повысилось давление.

– Миссис Тилбери, вы не возражаете, если я задам вам нескромный вопрос? Боюсь, что, если мы пойдем дальше, нескромных вопросов будет еще очень много.

– Понимаю, – ответила миссис Тилбери, и по ее щекам разлился легкий румянец.

– Вы разве не замечали, перед тем как обратиться к врачу, что у вас нет менструации? Это вас не насторожило?

– Дело в том, что такие перерывы у меня случались и раньше. По этой части я никогда не отличалась регулярностью. Иногда ничего не было месяцами.

Женщины заговорщицки улыбнулись друг другу, будто объединенные нелегкой женской долей. Было так странно обсуждать за чашкой чая интимные подробности с человеком, которого видишь первый раз в жизни. Но раз уж лед тронулся, отчего бы не перейти к другим деликатным вопросам.

– Сохранить ребенка – это очень смелый поступок, – сказала она, хотя на прочие варианты, влекущие за собой еще больше страданий для матери, храбрости понадобилось бы еще больше. – А вы не думали отдать ее на удочерение... или... – Это слово она не смогла произнести вслух.

– Нет, что вы, – сказала миссис Тилбери. – Никогда. Моя мать – набожная католичка. Она считала, что этот ребенок – дар Божий.

– И ее не беспокоило, что подумают соседи о незамужней женщине с ребенком? Люди склонны осуждать...

– Мы и так были чужаками.

Она внезапно замолчала.

– Это Маргарет. – Чуткое материнское ухо уловило какой-то неведомый Джин сигнал. А потом и она услышала лязг калитки и шарканье ботинок по дорожке. Через мгновение задняя дверь со скрипом открылась.

– Мы тут, – позвала миссис Тилбери. – Зайди поздороваться.

В комнату вошла девчушка в клетчатой зеленой школьной форме и соломенной шляпке, покрасневшая и запыхавшаяся от жары.

– Можно мне пойти к Лиззи? – спросила она. – У них котята. – Заметив Джин, она осеклась.

– Это Маргарет, – сказала миссис Тилбери, сияя от гордости за свое творение. – А эта дама – мисс Суинни. (Из-за швейцарского акцента это прозвучало как “мисс Свинни”.) – Она работает в газете.

– Привет, – сказала Маргарет, сняла шляпку и встряхнула волосами. Потом недоверчиво уставилась на Джин. – Вы когда-нибудь видели королеву Елизавету?

– Нет, – призналась Джин. – Зато я встречалась с Гарольдом Макмилланом, когда его выбрали членом парламента от Бромли.

На Маргарет это не произвело ни малейшего впечатления. Наверняка она и не слышала про Гарольда Макмиллана, подумала Джейн. Да и с чего бы, ей же всего десять лет. Мать

и дочь были так восхитительно похожи, что Джин не смогла сдержать улыбки. Она никогда не встречала такого обескураживающего сходства между не-близнецами. В облаке кудряшек Маргарет и тонких чертах лица проступала точная копия того хорошенького ребенка, каким миссис Тилбери была двадцать лет назад.

Легко верилось, что они целиком принадлежат друг другу. Если кто-то еще и сыграл роль в зачатии Маргарет, никаких видимых следов он не оставил.

– Что ж, она ваша, без всякого сомнения, – сказала Джин. – Вылитая вы.

Маргарет и ее мать взглянули друг на друга и, довольные, рассмеялись. Девочка еще в том возрасте, когда сравнение ей льстит, подумала Джин. Через несколько лет оно ее уже не обрадует.

Миссис Тилбери подошла к пианино и взяла фотографию, которую Джин заметила раньше.

– Тут я чуть постарше, чем сейчас Маргарет, – сказала она и подняла ее повыше.

Маргарет послушно изобразила такое же мечтательное выражение, воздев очи к небесам. Они были бы неотличимы, если бы не ореол меланхолии, присущий, кажется, всем моделям на старых фотографиях.

– Вы не возражаете, если я возьму ее на время? – спросила Джин, представляя, как две фотографии будут смотреться рядом на газетной странице. – Мы бы сфотографировали Маргарет в той же позе, разумеется, с вашего согласия.

– Конечно, непременно возьмите, – ответила миссис Тилбери.

Надо же, подумала Джин, какая она бесхитростная, ее невозможно заподозрить ни в малейшей фальши.

– Можно мне уже пойти к Лиззи? – протянула Маргарет.

Мать потрепала ее по волосам:

– Хорошо, иди. На полчаса. Но как вернешься, сразу за пианино.

Маргарет радостно кивнула, вежливо попрощалась с Джин и стремглав выскочила из комнаты.

До чего же милая девчужка, подумала Джин, и в ее груди поднялось смутное томление. А вслух она сказала:

– Вам очень повезло.

– Знаю, – сказала миссис Тилбери. – Она просто ангел.

Чай остыл, но предложение хозяйки заварить еще чайник Джин отклонила. Без Маргарет они снова могли говорить свободно, а обсудить предстояло еще очень многое.

– Они вас вылечили?

– Кто?

– В лечебнице Святой Цецилии? Вы упомянули, что четыре месяца были прикованы к постели.

– Я бы не сказала, что меня вылечили доктора. Но под конец мне, безусловно, стало гораздо лучше; обострения бывали и потом, но такого, как в детстве, не повторялось. Вообще-то, с тех пор как я родила Маргарет, все симптомы практически исчезли. – Она помахала в воздухе руками. – Когда я подолгу шью вручную, запястья иногда немеют, как раньше, и тогда я просто надеваю свои смешные бинты, пока все опять не пройдет.

– Вы портниха?

– Да – перешиваю, чиню и шью на заказ. Свадебные платья и тому подобное.

– Господи. Да вы, должно быть, настоящая мастерица.

Умения Джин в этой области были минимальны и сводились к простейшей починке. Отпорванный подол, болтающиеся пуговицы. Хуже всего было со штопкой – она так неаккуратно штопала, что мать была вынуждена взять эту задачу на себя. – Я бы ни за что не сумела сшить платье.

– Это чрезвычайно просто, – сказала миссис Тилбери. – Могу вас научить.
– Я необучаема, – призналась Джин. – Школьные табели это подтверждают.

И они улыбнулись друг дружке.

– А Маргарет знает о своем... происхождении? – спросила Джин, пытаясь подобрать подходящее слово. “О родителях” могло звучать как свидетельство ее скептицизма.

– Она знает, что история ее появления на свет необычная. Моего мужа она зовет папой, но знает, что он не ее настоящий отец. То есть в самом главном смысле он настоящий отец, он ее вырастил и любит как родную дочь.

– Можно спросить, чего вы хотите добиться этим расследованием? Вряд ли вам нужна дешевая известность.

Вот он, вопрос, больше всего ее занимавший. Что выигрывает Гретхен Тилбери, выставив свою семью на всеобщее обозрение? Если ее история подтвердится, это будет сенсация, и она станет объектом жадного и беспардонного любопытства медиков. А если все окажется неправдой – ее репутации конец, а заодно, вероятно, и браку.

– Ну, просто я прочла статью в вашей газете и подумала: “Да! Это про меня!” И мне захотелось, чтобы кто-нибудь доказал то, что я и так знаю.

– Но вы должны понимать, что мы – я, газета, ученые, читатели – будем подходить к этой истории с крайне скептических позиций. Будет не так, как в суде – в ваших словах будут сомневаться, пока они не будут доказаны. И я переверну все, чтобы найти доказательства.

– Все это я понимаю. Но мне нечего скрывать, а значит, и беспокоиться не о чем.

– А ваш муж? Он на это согласен?

– Да, разумеется.

– И он не требует, чтобы вы доказали свою правоту?

– Нет, что вы. Он и так мне полностью доверяет.

– И все же я хотела бы с ним поговорить, если вы не возражаете. И даже если возражаете, – добавила Джин, вспомнив про “переверну все”.

Миссис Тилбери взглянула на часы.

– Он возвращается не раньше половины седьмого. У него ювелирный магазин около Ковент-Гарден на Бедфорд-стрит. В магазине есть телефон, а тут у нас нет.

Джин подвинула блокнот к миссис Тилбери, и та записала имя и телефон мужа своим необычным континентальным почерком – перечеркнутые семерки, девятки с петелькой.

– Спасибо, – сказала Джин, хотя вовсе не собиралась ему звонить. Она появится в магазине без предупреждения.

Она захлопнула блокнот, давая понять, что интервью окончено.

– А что дальше? – спросила миссис Тилбери.

– Я свяжусь с генетиком, который написал ту самую статью, узнаю, существуют ли анализы, которые позволят определить, был ли партеногенез. Вам с Маргарет придется съездить в Лондон. Я правильно понимаю, что с этим не возникнет затруднений?

– А вы с нами поедете?

Так далеко Джин не загадывала, но после секундного колебания ответила:

– Да, конечно.

Газете придется это проглотить. Теперь это ее тема, и она будет разрабатывать ее на своих условиях. Если ей понадобится много времени, пусть кто-то еще возьмет на себя “Сад: неделя за неделей”. Уж наверное в редакции не она одна разбирается в обрезке роз.

– Хорошо.

Казалось, миссис Тилбери испытала облегчение, как будто рассчитывала, что теперь Джин будет ей защитником и покровителем.

Джин почувствовала, что уже готова подружиться с миссис Тилбери, но это чувство пришлось подавить. Вероятно, в какой-то момент ей придется сообщать очень неприятные новости, поэтому крайне важно сохранять разумную профессиональную дистанцию.

3

– То есть ты хочешь сказать, что ты ей веришь?

– Я хочу сказать, что не нашла никаких причин ей не верить. Пока.

Джин сидела в кабинете Роя Дрейка и смотрела, как он поливает засохшие растения на подоконнике. От его отложенной сигареты поднялся столб дыма и влился в и без того густое облако под потолком. Когда он повернулся к ней спиной, Джин быстренько затушила и вернула сигарету на край пепельницы.

– А, прости, возьми из моей пачки, – отозвался он, не оборачиваясь.

Джин вздрогнула, подняла глаза и встретила его взгляд – он отражался в оконном стекле.

– Все-то ты замечаешь, – вздохнула она и вытащила сигарету из пачки “Кэпстэна” у него на столе.

Он благодушно покачал головой. Много лет назад, в самые худшие для Джин времена, он случайно увидел в конце дня, как она рыдает в комнате для почты. Рой по-отечески ее обнял (хотя по возрасту и не годился ей в отцы) и без малейшего любопытства или неодобрения сказал: “Ну ладно тебе, старушка”. Других утешителей у нее не нашлось, и его доброта глубоко ее тронула. Они больше никогда не возвращались к этому эпизоду, но он навсегда связал их.

– Но ведь этого же не может быть? – сказал Рой.

– У рыб и беспозвоночных случаи спонтанного партеногенеза встречаются, у млекопитающих – нет. Но эксперименты с кроликами доказали, что его можно искусственно вызвать в лабораторных условиях.

Рой поднял брови.

– У кроликов? То есть если у одних млекопитающих это возможно, то и у других тоже?

Он уже закончил с поливкой и повернулся в своем кожаном кресле лицом к Джин.

– Потребовалось серьезное вмешательство – заморозка фаллопиевых труб. И процент неудач был очень высокий.

– Несчастные создания, – Рой скорчил гримасу. – Откуда ты все это знаешь?

– Я связалась с доктором Хилари Эндикотт (с ее статьи все и началось), и она выслала мне несколько своих научных работ. Они довольно сложные, поэтому я у нее спросила, как она считает, возможно ли непорочное зачатие с научной точки зрения, да или нет. Она, конечно, встала в позу и заявила, что наука не занимается предсказаниями. Все, что можно сказать, – это что до сих пор не выявлено ни одного достоверного случая спонтанного партеногенеза у млекопитающих.

– По-моему, это значит нет.

– Она с большой неохотой признала, что, хотя шансы, с ее точки зрения, ничтожно малы, ей будет интересно посмотреть, что покажут результаты анализов. Ведь многие новые научные открытия когда-то тоже считались невозможными.

– И тем не менее миссис Тилбери тебя лучше убедила?

– Да. Нет. Не знаю. Как ты думаешь, можно одновременно придерживаться двух противоположных мнений?

– Безусловно. С верующими это происходит сплошь и рядом.

– Тогда давай будем считать, что я верю миссис Тилбери, но не верю в непорочное зачатие – и хочу устранить этот разрыв.

– И как мы будем действовать?

– С осторожностью. Пусть в газете ничего не печатают, пока мы не получим результаты анализов. Если все окажется правдой, это будет грандиозно, и это будет наш материал. Не хочу, чтобы какая-нибудь национальная газета его у нас украла еще до того, как мы поймем, что об этом стоит писать. Мы же не торопимся?

- Нисколько.
- Вот бы тебе с ней встретиться. Она немного похожа на Дину Дурбин.
- Рой схватился за сердце.
- Вот теперь мне на самом деле интересно.
- А девочка – просто сокровище. – Джин достала из сумки фотографию в серебряной рамке и водрузила на стол.
- Это дочь?
- Нет, мать, но могла бы быть и дочь.
- И эта Эндикотт не против участвовать?
- Не то слово. У нее в больнице Чаринг-Кросс целая бригада врачей, которые ждут-не дождутся, как бы поскорее взяться за это дело.
- Великолепно.
- А пока они будут заниматься медицинскими исследованиями, я проведу собственное небольшое расследование: надо убедиться, что в этой истории сходятся концы с концами.
- Ты сможешь все это совмещать со своими обычными обязанностями или хочешь что-нибудь скинуть?
- Рой произнес это как бы между прочим, но она знала, какого ответа он ждет.
- Я собираюсь успевать все.
- Молодец. А в остальном, все ли в порядке в доме Суинни? Как поживает матушка?
- Он часто о ней спрашивал, хотя ни разу не видел. За годы знакомства Джин порассказала ему всякого о ее причудах, и в его сознании прочно закрепился образ “эксцентричной особы”. Если они когда-нибудь встретятся, его ждет разочарование. Когда Джин начинало казаться, что ее рассказы – предательство по отношению к матери, она убеждала себя, что описанная ею “матушка” – почти вымышленный литературный персонаж, как воображаемые друзья в детстве.
- Матушка считает, что теплая погода – непосильное испытание.
- Вроде она не любит холод?
- Да. И ветер. Для человека, практически прикованного к дому, у нее чрезвычайно твердые суждения обо всем, что связано с погодой.
- Рой пришел в восторг.
- Я представляю ее себе в виде орхидеи, – засмеялся он.
- Но сегодня вечером она будет в хорошем расположении духа, потому что у нас клубника к чаю.
- Что ж, передай ей мои наилучшие пожелания.

4

Ювелирный магазин Г. Р. Тилбери (комиссионный – антиквариат – ремонт – лучшие цены) располагался на одной из узких улочек к северу от Стрэнда, между табачной лавкой и магазинчиком нот и антикварных книг. Изящные золотые буквы выделялись на бутылочно-зеленой вывеске. Сквозь стеклянные двери в свинцовом переплете Джин увидела единственную посетительницу. Она была поглощена беседой с человеком за прилавком – видимо, покупала часы или новый ремешок к ним, потому что, выйдя через несколько минут, повертела запястьем, чтобы посмотреть, как это выглядит. Джин дождалась, пока она отойдет подальше, и зашла в магазин, отчего колокольчик над дверью звякнул.

За прилавком никого не было; сквозь открытую дверь в мастерскую был виден человек, сидящий у верстака, а над ним ряды полок с аккуратно разложенными инструментами. Услышав колокольчик, человек поднял глаза и отложил папку, которую держал в руках.

Магазин был крошечный. В окружении застекленных шкафов-витрин Джин казалось, будто она заполнила собой все оставшееся пространство и при любом резком движении непременно что-нибудь разобьет.

– Мне нужен Говард Тилбери, – сказала она, не вполне убежденная в том, что это и есть муж хорошенькой молодой женщины в приталенном платье и волосами как у Дины Дурбин.

Он был худой, сутулый, лысеющий и сидящий. В этот пока еще самый жаркий за лето день он был одет в твидовый пиджак, фланелевые брюки, свитер ручной вязки, рубашку и галстук; очень вероятно, что под всем этим был еще полный набор длинного белья. Но когда Джин представилась, он немного выпрямился, улыбнулся и на миг перестал казаться таким старым.

– А, вы та самая дама, о которой мне говорила жена. – Они пожали друг другу руки через прилавок, и он добавил, встревоженно нахмурившись:

– У нас была назначена встреча на сегодня?

– Нет-нет. Я просто проходила мимо и решила зайти. У вас найдется минутка-другая, пока нет покупателей?

Он насторожился, но в ее словах не было иронии.

– По вторникам клиентов мало. Не знаю почему. И я в основном занимаюсь починкой. Мы можем посидеть в мастерской.

Он откинул прилавок между двумя шкафчиками, чтобы она прошла.

– Я вас точно не отвлекаю? – Входя в мастерскую, такую же тесную, Джин оглянулась на драгоценности, оставленные без присмотра в витрине.

– Если кто-нибудь войдет, зазвонит колокольчик. А дверь я оставлю открытой.

Пространно извиняясь за неудобства, он предложил ей продавленное зеленое кресло в углу. Когда она села, сиденье опустилось почти до пола, а подлокотники оказались на уровне ушей. Ее длинные ноги протянулись между ними, несуразно, как у мертвой лошади.

Мистер Тилбери занял оставшееся место – вертящийся табурет у верстака, за которым он только что работал. Рядом на низком столике помещались электроплитка, чайник, чашка, недоеденный бутерброд в вошеной бумаге и сморщенный огрызок яблока. Он смахнул со столика остатки еды и выкинул их в мусорную корзину под верстаком.

– Не желаете ли чашечку чаю, мисс Суинни? – спросил он.

Он с облегчением выслушал ее отказ и тем подтвердил внезапную догадку: грязная чашка на столике была единственной, а она сама – единственный гость, которого он тут принимал.

– Вы, конечно, обсуждали с женой интерес газеты к ее истории, – начала она, глядя на него снизу вверх из своего невыгодного положения почти вровень с полом. – Я хотела лично убедиться, что вас ничто не смущает.

– Спасибо вам за чуткость, – ответил он. – Но тут все в первую очередь касается жены, и я полностью полагаюсь на нее. Пока это не отражается на Маргарет.

– Да. Маргарет.

Джин подвинулась вперед на твердый край кресла, чтобы выиграть хотя бы несколько драгоценных дюймов высоты. Трудно выглядеть хоть немного авторитетно, когда у тебя коленки выше бедер.

– Вы ее видели? – От одного упоминания ее имени его озабоченное лицо просветлело.

– Очень недолго. Она чудесная.

– Да, – просиял он. – Она такая. Ничего лучше у меня в жизни нет.

Джин пролистала блокнот до нацарапанных скорописью заметок, сделанных на прошлой неделе в гостях у Тилбери.

– Сколько было Маргарет, когда вы познакомились с женой?

– Примерно шесть месяцев. Я снимал комнату в их доме в Уимблдоне. Мать Гретхен, фрау Эдель, сдавала комнаты для заработка. Одна постоялица съехала, не пожелала жить под одной крышей с матерью-одиночкой. А меня это, разумеется, не беспокоило. Когда я познакомился с ними поближе, они рассказали мне историю Гретхен.

По просьбе Джин он пересказал ее в точности так, как описывала события сама миссис Тилбери.

– И эта версия никогда не вызывала у вас сомнений?

– Нет. Я понимаю, что для человека со стороны она звучит неправдоподобно. Но надо знать этих женщин. Моя жена никогда не давала повода усомниться в ее честности. По-моему, она неспособна говорить неправду.

– Но у незамужних женщин бывают серьезные причины лгать об обстоятельствах своей беременности. Общество довольно безжалостно.

– Это правда, люди охотно осуждают других. Все, что я могу сказать, – лгать мне у нее не было причин. Я ясно дал понять, что мне абсолютно все равно, как Маргарет появилась на свет.

– И она всегда решительно придерживалась этой версии?

– Всегда. И я не могу ей не верить.

– Наверное, вы будете рады, если ее правота будет научно доказана?

– Мне никогда не были нужны “доказательства”. Но я буду рад узнать, что никакой другой мужчина, кроме меня, не может претендовать на Маргарет.

– И, может быть, обрадуетесь, что сомневающиеся замолкнут раз и навсегда?

– Насчет этого не знаю, – сказал мистер Тилбери, приглаживая рукой волосы на затылке. Это была нервная привычка: раз в несколько минут он хватался сзади за шею, задирая локоть. – Вряд ли есть какие-то сомневающиеся. Фрау Эдель умерла вскоре после нашей с Гретхен свадьбы, мы переехали из Уимблдона в Сидкап и начали новую жизнь как обычная пара с младенцем. Никто из новых соседей ничего не знает про наше прошлое.

Именно, подумала Джин. Так с чего вдруг ты решил рискнуть неприкосновенностью своей частной жизни сейчас? А вслух сказала:

– Вы религиозны, мистер Тилбери?

– Наверное, не больше и не меньше остальных. Я не особенно хожу в церковь, разве что на свадьбы и похороны, но рад, что она есть.

– Вы венчались в церкви?

– Нет. Так было проще. Священник фрау Эдель не очень-то любил компромиссы.

– Вроде бы священники должны приветствовать идею непорочного зачатия, – сказала Джин.

Мистер Тилбери впервые взглянул ей в глаза.

– Как оказалось, порой они очень ревниво охраняют свое право на чудеса.

– Вы долго за ней ухаживали?

– Около четырех месяцев. То, что мы жили под одной крышей, конечно, помогло. К тому же фрау Эдель уже была больна, и ей хотелось поскорее увидеть Гретхен замужем.

Он замолчал, потом тихо добавил:

– Я знаю, о чем вы думаете.

Джин покраснела:

– Уверю вас, что нет.

На самом деле она раздумывала о том, можно ли ей закурить или в мастерской есть материалы и приборы, чувствительные к дыму. Пепельницы нигде не было видно.

– Вы думаете, что такая женщина, как Гретхен, и не взглянула бы на меня, если бы не ребенок.

– Ничего подобного, честное слово.

– Что ж, вы правы. Не взглянула бы. Я знаю. Она могла выбрать кого угодно, а я, конечно, ничего особенного собой не представляю.

– Ей с вами повезло, и она это знает, – сказала Джин, которой это самоуничижение показалось неловким и неуместным. Гретхен не на что жаловаться. И мать, и муж, который души в ней не чаёт, не усомнились в ее добродетели – уже двойная удача. И Маргарет у нее есть. Чего еще желать?

Зазвонил дверной колокольчик, и мистер Тилбери поднялся.

– Не возражаете? – сказал он. – Пожалуйста, располагайтесь поудобнее.

Легко сказать, с таким-то креслом, подумала Джин, привела себя в вертикальное положение и почувствовала, как кровь приливает к онемевшим ногам и ступням.

Из-за двери доносились неразборчивые голоса, мужской и женский. Оставшись без призора, она, как всегда в таких случаях, принялась исследовать окружающую обстановку. За годы молчаливых наблюдений она убедилась, что правда о людях редко обнаруживается в том, что они охотно признают. Главного на поверхности не увидишь.

Она открыла верхний из широких неглубоких ящиков. Он был разделен на десятки деревянных отделений, в каждом – ювелирное изделие в ожидании починки. Там были камеи, обручальные кольца, браслеты, медальоны, у всех сломаны застежки или выпали камушки, на каждом предмете – тщательно надписанная от руки коричневая бумажная этикетка с номером и датой. В ящике ниже хранились корпуса множества наручных часов, чьи внутренности выпотрошили на запчасти.

Джин взяла миниатюрную пилу и дотронулась подушечкой пальца до тонкого, как волос, лезвия. Она вздрогнула, когда кожа разошлась и из пореза хлынула кровь. Она все еще пыталась промокнуть ее платком, когда мистер Тилбери вернулся с сапфировой брошью в руках, которую подписал и отправил в плоский ящик.

Поскольку он из вежливости отказался замечать, что Джин рыскала по его мастерской, она испытала извращенную потребность во всем признаться.

– Вот, повертела в руках эту пилочку, – сказала она, протягивая ему руку для осмотра и чувствуя себя довольно глупо. – Хотела проверить, насколько она острая.

Похоже, это его чрезвычайно развеселило.

– Что ж, мисс Суинни, хорошо, что вы не успели проверить, горячий ли паяльник.

– Простите, я ужасно любопытная, – сказала Джин. – Издержки профессии.

Он снял с полки потрепанную аптечку, извлек оттуда полоску пластыря и стал клеить ей палец.

– Какие у вас изящные руки, – сказал он, закончив.

Скажи это кто угодно другой, она сочла бы это грошовым комплиментом, как будто больше похвалить было нечего. Но он продолжил: “С такими тонкими пальцами из вас вышел бы хороший ювелир”, и для сравнения показал собственную широкую ладонь.

– Иногда я чувствую себя медведем в боксерских перчатках.

– А я как раз думала, какое удовлетворение должна приносить эта работа, – ответила Джин. – Создавать и чинить людские сокровища. Я для такого слишком неловкая.

– Подгонять обручальные кольца или менять ремешки от часов – что же тут возвышенного, – сказал он. – Но это мой кусок хлеба, и я не жалуясь.

– Когда весь день сидишь за пишущей машинкой, кажется, что здорово делать что-то настоящее своими руками.

– Уверен, что для большинства людей ваша жизнь куда увлекательней, – ответил он.

Джин покачала головой.

– Может, на Флит-стрит. “Эхо Северного Кента” гораздо консервативней. Для нас сенсация – это когда кто-нибудь забрался в помещение Британского легиона и стащил бутылку джина.

Она вспомнила произведение, которое накропала с утра по случаю Национальной недели салата:

Скромный латук, если его правильно приготовить, может стать основой множества питательных блюд для всей семьи. Добавьте к запеченным или жареным тефтелям новый хрустящий штрих...

– Вижу, вы не носите украшений, – сказал он.

Пальцы, запястья и шея Джин ничем не были украшены – как всегда.

– Да, но не из принципа. У меня их попросту нет. Сам себе такое ведь не покупаешь.

Она умолкла, спохватившись, что оказалась уже не на профессиональной, а на личной территории.

– Да. Хотя непонятно почему.

– А даже если бы и купила, я, скорее всего, так ничего и не носила бы, хранила бы в шкатулке и любовалась время от времени. – Уж это она про себя знала.

– Вот это зря – украшениям надо дышать.

Джин почувствовала, как у нее самой перехватило дыхание. Это был ее самый интимный разговор с мужчиной за много лет.

Вновь зазвонил колокольчик. Джин восприняла это как сигнал к отбытию. Она убедилась, что обращение миссис Тилбери в газету не вызвало у супругов разногласий и что муж не оказывает на жену никакого давления. Конечно, никогда толком не знаешь, что на самом деле происходит за аккуратными дверями, но мистер Тилбери был совсем не похож на агрессивных мужчин, которых ей доводилось встречать – в редакции и не только.

– Вам надо работать, – сказала она.

Он бросился помогать ей встать с кресла. Тут возник опасный момент: она взяла его руку, довольно тяжело поднялась, потеряла равновесие и едва не рухнула обратно и не утащила мистера Тилбери за собой. Они в панике переглянулись, но он быстро принял более устойчивое положение и крепко держал ее за руку, пока она не выровнялась.

– Боже, мы споткнулись на ровном месте, – рассмеялась Джин. – Говорю же, я ужасно неуклюжая.

– По-моему, от меня мало толку, – сказал мистер Тилбери. – Но все равно было приятно с вами поговорить.

– Остался еще один вопрос, – спохватилась Джин. – Ваша жена говорила, что до рождения Маргарет она лежала в клинике или лечебнице. Она поддерживает отношения с кем-нибудь оттуда? Или с кем-нибудь, кто знает ее с детства?

Мистер Тилбери задумался, склонив голову набок, но, похоже, ничего не смог вспомнить.

– А знаете, ничего не приходит в голову. Эта клиника была на побережье – кажется, в Бродстерсе. Перед этим она ходила в школу в Фолкстоне. Наверное, где-то там у нее были друзья. Когда я узнал миссис и мисс Эдель, они уже жили в Уимблдоне, и все их немногочис-

ленные знакомства были недавние. Так что не знаю. Сейчас у моей жены, разумеется, есть подружки в Сидкапе, матери подружек Маргарет и так далее. Но что касается прошлого – надо спрашивать у нее самой.

Джин прошла вслед за ним в магазин, где ждали посетители, молодая пара. Новобрачные, решила Джин: девушка буквально повисла на руке у своего спутника и смотрела на него с нескрываемым обожанием. Или, может, они только что обручились и хотят купить большое шикарное кольцо. Джин надеялась, что так – ради мистера Тилбери. Протискиваясь мимо них к выходу, она чувствовала, как они излучают счастье.

Позже, когда Джин приготовила на ужин пюре с мясной подливкой, помыла посуду и полила сад, она дополнила свои сегодняшние стенографические записи и подчеркнула слово “Бродстерс”. Потом пролистала до интервью с Гретхен Тилбери, нашла упоминание лечебницы Святой Цецилии и обвела его. Теперь именно на этом и сосредоточится расследование.

Конечно, срочности никакой. Скоро у миссис Тилбери и Маргарет первая серия анализов в больнице Чаринг-Кросс; возможно, результаты окажутся такие, что дальнейшее расследование не понадобится. Но она уже его предвкушала. Она несколько лет не была на побережье. Уэртинг в 1946-м не в счет – из-за того, чем все кончилось.

Может, вообще остаться на ночь и вернуться на следующий день, вдруг подумала она, решительно направив мысль в сторону Бродстера. Чтобы отместить эту возможность, хватило секунды, но она успела вспомнить, как здорово просыпаться от резкого крика чаек и шуршания прибоя по песку. Нет, нельзя – мать не оставишь, пусть и всего на одну ночь. Даже от разговора об этом она почувствует себя еще более беспомощной.

От мистера Суинни не осталось ни пенсии, ни сбережений, и жили они на заработки Джин; только поэтому она была в состоянии смириться с отсутствием дочери – но ровно столько, сколько длился ее рабочий день, не дольше. Непреодолимые сложности, которые можно держать в узде между девятью утра и половиной шестого вечера, в другое время непременно встанут на дыбы и сокрушат ее. Джин, будучи женщиной рациональной, все собиралась пересмотреть этот принцип, но время шло, она ничего не делала, и привычка закрепилась.

Раньше бывали случаи, когда она об этом жалела. По пятницам Билл, Ларри, фоторедактор Дункан и какие-нибудь стажеры ходили в “Черного кабана” в Петтс-Вуде пропустить по стаканчику после работы. Пару раз приглашали и ее – как-никак, свой парень, – но она отказывалась, потому что заранее не согласовала с матерью; теперь ее уже не зовут.

Сейчас миссис Суинни восседала в гостиной в своем кресле с изогнутой спинкой и ждала, когда Джин поможет ей смотреть шерсть. Она вязала свитер для Дорри, чтобы отправить его к Рождеству, но так увлеклась процессом, что в результате в него уместились бы целых две Дорри. Джин вообще сомневалась, что в Китале бывают холода, которыми можно было бы оправдать такое обилие шерсти, но мать была непреклонна. Пришлось все распустить, выстирать и высушить нитки и начать сначала.

Но Джин не сиделось на месте. Едва усевшись, она тут же вскакивала: то ей понадобились очки, то вдруг вспомнилось какое-то незаконченное срочное дело. Неприкакаянная, беспокорная, она рыскала по комнатам, пока в конце концов не нашла то, что искала – старый маникюрный набор: кожаный футляр, инструменты с перламутровыми ручками. Джин тут же принялась подпиливать и приводить в порядок огрубевшие от домашнего хозяйства ногти, а потом опять вскочила и выбежала из комнаты.

– А теперь ты куда собралась? – Жалобный голос матери следовал за ней вверх по лестнице.

У Джин в спальне в ящике туалетного столика хранились всякие дорогие ее сердцу штуки. Скопившиеся за долгое время куски мыла, косметика, духи, канцелярские принадлежности – в основном подарки или скоропалительные покупки. Любоваться этими нетрону-

тыми, в упаковках, сокровищами ей очень нравилось, а пользоваться ими не хотелось. Записная книжка в кожаном переплете с раскрашенными под мрамор первой и последней страницей и золотым обрезом прекрасна, только пока ее страницы остаются чистыми. Помада портится в момент соприкосновения с губами – нераспечатанный же тюбик таит в себе безграничные возможности.

Однако в тот вечер Джин открыла баночку питательного крема для рук – оттуда дохнуло ароматом роз – и провела по поверхности пальцем, лишь чуть-чуть дрогнувшим от сожаления. Она терла руку о руку, и сморщенная кожа как будто разглаживалась и становилась мягче. Она знала, что это превращение иллюзорно и мимолетно, но на мгновение почувствовала родство с множеством женщин, которые предавались таким занятиям и получали от них удовольствие.

– Чем это пахнет? – спросила мать, когда Джин вернулась.

Ее обоняние в последнее время обострилось, возможно, занимая территорию, которую резко сдавал слух.

– Розами.

– Я так и думала. Обычно от тебя пахнет конторой. – Мать поморщилась. – Сигаретами, газетной бумагой и работой. Розы мне больше нравятся.

– Я и не была сегодня на работе. Я заходила к ювелиру около Ковент-Гардена.

– Он еврей?

– Понятия не имею. Я не спрашивала.

– Наверняка. Они обычно евреи.

– Его фамилия Тилбери. Он показал мне мастерскую, где он все чинит. Было довольно любопытно.

– Уж наверное. Интересно, а это он сможет починить?

Она принялась стаскивать со среднего пальца кольцо с россыпью гранатов и жемчуга, с усилием преодолевая костяшку. – Тут не хватает одного камушка.

– Заменить камень дорого.

– Что ж. Это ценная вещь. И когда-нибудь станет твоей.

Все-то у нее ценное, подумала Джин.

– Не надо снимать, потеряешь. Я, скорее всего, его еще долго не увижу, если вообще увижу. – И тут же отчетливо поняла, что увидит. И скоро.

– Так что, смотаем шерсть? – сказала она, придвигая стул так, чтобы они сидели друг напротив друга, почти соприкасаясь коленями.

Мать достала из сумки с вязанием спинку свитера Дорри и спустила петли со спицы. Одно легкое движение – и прощай, плод кропотливого многомесячного труда. Джин вытянула руки и с затаенным удовольствием смотрела, как грубая шерсть все наматывается и наматывается на ее изящные нежные кисти.

Чтобы кожа пальцев оставалась белой и мягкой, закончив любую грязную работу у кухонной раковины, запустите ногти поглубже в лимонную корку.

5

Бывшую старшую медсестру лечебницы Святой Цецилии в Бродстерсе звали Элис Хафьярд, и Джин была рада, что имя такое необычное и запоминающееся – так ее было гораздо легче разыскать. Перед поездкой Джин разузнала, что в здании лечебницы на Рамсгейт-роуд в южной части города теперь вовсе не лечебное учреждение, а частная школа для мальчиков.

Меньше чем через год после того, как здесь была Гретхен Эдель, школа для мальчиков по соседству стала подыскивать себе помещение побольше и решила купить большую эдвардианскую виллу. Пациентов выписали или распределили по другим санаториям побережья, а в бывших палатах и процедурных расставили парты и стулья, доски и вешалки. У директора этого учреждения, которое теперь называлось Ансельм-хаус, была деревянная нога, и он ходил, опираясь на трость черного дерева. Он предложил провести для Джин экскурсию по зданию, а уж потом показать ей архивы Святой Цецилии. В школе шли уроки и было тихо; двери в классы были открыты из-за жары, шаркающие шаги и стук трости были хорошо слышны, и при их приближении приглушенные голоса умолкали.

У последней двери он остановился. Мальчики дружно встали, торжественно заскрипев стульями. Учитель, очевидно привычный к таким внезапным вторжениям, перестал рисовать на доске нечто, что Джин приняла за ужасное чудовище; оказалось, что это многократно увеличенная блоха.

– Это миссис Суинни, известный газетный репортер из Лондона, – сказал директор, весьма вольно интерпретируя факты. Возможно, для жителей Бродстерса Лондон простирался до Медуэя. – Надеюсь, что она увезет с собой благоприятное впечатление об этом месте.

Джин улыбнулась классу своей самой теплой ободряющей улыбкой. Она бы с удовольствием посмотрела, как идет урок.

– Выглядит очень увлекательно, – сказала она полусшепотом, когда они пошли дальше. – Я подумала, не введение ли это в поэзию Джона Донна.

– Искренне надеюсь, что нет, – ответил директор и нахмурился.

Джин предположила, что чувства юмора его лишила боль, и решила его пожалеть.

Она уехала со станции Бромли-Саут на раннем поезде. На платформе толпились школьники в форме, которые отправлялись на экскурсию. Два учителя с планшетами пытались выстроить их в шеренгу, но группки мальчишек то и дело откалывались от нее, чтобы посмотреть на паровоз у платформы напротив.

Джин пристроила велосипед в багажный вагон и выбрала купе поближе к началу поезда. Его единственная обитательница подняла глаза от книги, когда дверь открылась, и улыбнулась Джин с облегчением. Облегчение было взаимным, и Джин улыбнулась в ответ. Она уселась в уголке, наискосок от соседки, чтобы у обеих было как можно больше места. У нее в сумке был обед, книжка Агаты Кристи почитать в дороге, блокнот, само собой, и купальник с полотенцем – на случай, если будет время сходить на пляж. Больше всего она ждала именно этого момента; она отлично плавала и в море чувствовала себя сильной и грациозной, чего никогда не случалось в общественных купальнях в Бекенхэме с их холодным кафелем и запахом хлорки, и уж тем более на суше. Она собиралась почитать, но так и не открыла книгу, а вместо этого пялилась в окно, за которым пригороды растворялись и сменялись опаленными солнцем полями Северного Кента.

После краткого осмотра школы директор проводил Джин к себе в кабинет, чтобы она посмотрела архив лечебницы Святой Цецилии, пролежавший там, никем не тронутый, почти десять лет. Он отпер деревянный шкафчик и разложил перед ней разнообразные бухгалтерские книги и альбом фотографий. Были там и кое-какие предметы, оставленные при переезде,

которые никто не потрудился забрать – лоток, судно, набор карточек с молитвами, несколько кожаных напальчников и комплект кронциркулей.

Джин вытащила одну карточку и прочла:

Ничего не бойся,
Ничем не огорчайся.
Все проходит —
Бог остается.
Претерпением всего дождешься.
Кто с Богом дружит —
Всем обладает.
Бога – достаточно.

Святая Тереза Авивльская¹

– Можно, я возьму ее себе? – спросила она.

– Берите хоть всё, – ответил директор. – Мне они ни к чему.

– Наверное, монахини давали их пациентам, – сказал Джин, листая альбом и остановившись на групповой фотографии персонала: женщины стоят на посыпанной гравием дорожке перед входом в дом. Одни в форме медсестер, другие – в монашеских одеяниях. Они улыбаются и щурятся на солнце; некоторые даже прикрывают глаза рукой, как будто не привыкли позировать для фотографий.

– Не сомневаюсь, что так и было, – сказал директор.

Интересно, ему любая религия отвратительна или только ее римско-католическая ветвь?

– Вы бы удивились, если бы оказалось, что в этих стенах случилось чудо? – спросила его Джин.

– Думаю, мои сотрудники считают, что творят здесь чудеса ежедневно, – сказал он с едва заметной улыбкой.

Все-таки у него есть чувство юмора, подумала Джин. Она не собиралась выдавать никакие подробности, кроме самых необходимых, но он был так нелюбопытен, что она разговорилась.

– Одна бывшая пациентка утверждает, что забеременела здесь. Так сказать, самопроизвольно.

Наконец-то она завладела его вниманием.

– Мне это представляется маловероятным. В голову приходят другие объяснения.

– Какие например?

– Или ее ввели в заблуждение, или она вводит в заблуждение вас.

С какой же готовностью люди называют совершенно незнакомую им женщину лгуньей, подумала Джин.

– Она показалась мне искренней.

– С нечестными людьми так часто бывает. Вы ищите документы, которые помогут ее разоблачить?

– Если таковые существуют, то конечно.

– Что ж, надеюсь, вы их найдете. Не хотелось бы, чтобы это место превратилось в святилище.

Джин рассмеялась.

– Я, признаться, не подумала о таком побочном эффекте.

– Нас начнут осаждать девственницы, – сказал он, поморщившись.

¹ Перевод Н. Трауберг.

Ты наверняка считаешь, что и я девственница, подумала Джин.

– Вот эта дама, – сказала она, указывая на фотографию, на которой женщина средних лет в темном платье и белом чепце восседала в центре ряда медсестер в блеклых форменных платьях и крахмальных фартуках, – должно быть, старшая сестра. – На нескольких других фотографиях она была в такой же одежде. – Вы не возражаете?

Джин осторожно вытащила отпечаток из полупрозрачных уголков и перевернула. Как она и надеялась, какой-то добросовестный делопроизводитель подписал на обороте коричневыми чернилами: “Слева направо: Дж. Соумс, Р. Форбс, М. Кокс, Э. Хафьярд, М. Смит, Д. Бейкер, В. (Пегс) Остин, 1946.”

– Э. Хафьярд, – сказала Джин. – Это должна быть она.

– Вот повезло, – отозвался директор, забирая у нее фотографию и вставляя ее обратно в альбом. – Вряд ли в телефонном справочнике много людей с такой фамилией. У миссис Тревор в кабинете должен быть.

Когда Джин постучала в открытую дверь, секретарша разговаривала по телефону, одновременно крутя ручку разогнавшейся вонсю копировальной машины. Не прерывая своих занятий, она движением подбородка пригласила Джин зайти.

– Полагаю, кое-какие расходы мы могли бы взять на себя, – говорила она. – Хотя другие кандидаты поступают из мест подальше и ничего не просят.

Воздух был тяжелым от запаха спирта; Джин почувствовала, как он щиплет ей глаза. Мисс Тревор продолжала мучить ротатор, пока последний лист со смазанными фиолетовыми буквами не выскочил на лоток.

На столе в беспорядке громоздились книги, конторские книги, картонные папки. Но несмотря на это, произнеся: “Да, хорошо, давайте я запишу ваши данные”, она стала беспомощно шарить по столу, ища чем бы или на чем бы записать, пока Джин не предложила ей свои блокнот и ручку.

Покончив со звонившим и расправив юбку, которая порядком перекрутилась во время ее трудов, она переключила внимание на Джин.

– У вас есть местный телефонный справочник? – спросила Джин.

– Где-то был, – ответила мисс Тревор, окинув заваленный стол тоскливым взглядом. – Обычно здесь не так, – доверительно сообщила она, понизив голос. – Завтра явится уйма соискателей, а я только что переехала из другого кабинета. Всё вверх дном.

– Я не буду путаться у вас под ногами, – пообещала Джин. – Пытаюсь разыскать одну женщину, которая тут работала, когда это еще была частная клиника. Надеюсь, она не переехала.

Секретарша нырнула под стол и вновь появилась на поверхности с торжествующим видом, зажав в руке тонкую желтую брошюру.

– Знала же, что она где-то тут. Кто вам нужен? Господи, ну и мелкий шрифт.

Ее неуверенность перед лицом простейших административных задач выглядела даже обезоруживающей.

– Хафьярд, – сказала она. – Таких наверняка немного.

Мисс Тревор перестала рыться в справочнике.

– Элис Хафьярд? Я и сама могу сказать, где она живет.

– Вы с ней знакомы?

– Она подруга моей матери. Живет на Уикфилд-драйв в угловом доме. Можно пешком дойти – не больше мили отсюда.

– Она работала в лечебнице Святой Цецилии старшей медсестрой?

– Да, верно. Проработала здесь всю войну и потом, пока больницу не закрыли.

– Может, вы знаете еще кого-нибудь, кто здесь работал сразу после войны?

Мисс Тревор покачала головой.

– Нет. Я не имела никакого отношения к этому месту, пока здание не перешло к школе. С Элис я знакома только потому, что она дружила с матерью. После смерти матери я первое время ее навещала, а потом перестала. Думаю, она обрадуется гостям. Жизнь у нее была не сахар, но она всегда была рада, когда я приходила.

Опять затрещивал телефон, и Джин удалось выскользнуть, не услышав подробностей несладкой жизни Элис, которые мисс Тревор жаждала ей поведать.

Был полдень, и Джин решила отложить посещение Уикфилд-драйв на более позднее время: бывшая старшая медсестра наверняка строга в отношении приемных часов. Она вернулась на велосипеде в город и уселась на лавочке лицом к пляжу, чтобы съесть свой сэндвич – чеддер и последние остатки прошлогоднего чатни из зеленых помидоров. Его полагалось приготовить, а приготовив – съесть, но никакого удовольствия Джин это не доставляло. Иногда она думала, что ее жизнь измеряется скорее банками для консервирования, чем кофейными ложками.

Внизу, на песке, раскинулись лагерем лежаки и щиты от ветра, ковыляли среди волн малыши, загорали их родители, грелись на солнце старики с закатанными до колен штанами; несколько смельчаков подпрыгивали над волнами. Джин страстно желала к ним присоединиться, но с этим придется подождать.

На ярко-голубом, как и положено в разгар лета, небе не было ни облачка, а прохладный ветер дул как раз в меру. Джин скинула кофту и подставила по-зимнему бледные руки солнцу. К вечеру они порозовеют и начнут чесаться, а треугольник кожи на груди в вырезе открытой блузки станет огненно-красным, но сейчас жара казалась восхитительной и отрадной. Покончив с бутербродом, Джин купила мороженого в кафе на холме. Она и вообще не умела есть аккуратно, а уж это лакомство – прямоугольный кусок ванильного мороженого между двух вафель, быстро тающий и уязвимый со всех сторон, – представляло собой нешуточную задачу. Под удар попала блузка, и Джин пришлось доедать остаток скользкой каши, нагнувшись над урной, чтобы не капало. Есть на людях – чего никогда бы не сделала ее мать, даже если представить себе, что она выйдет из дома, – все еще казалось ей дерзким и бунтарским поступком, что многократно усиливало удовольствие.

Дом номер один по Уикфилд-драйв оказался одноэтажным коттеджем посреди большого углового участка, закрытого от улицы разросшимися кустами лавра и высокими деревьями, при том что у остальных домов на этой улице аккуратные лужайки без ограды сбегали до самого тротуара. Джин по опыту знала, что такое листовое ограждение, как правило, предвещает определенный уровень обветшания внутри, но, к ее удивлению, за ним скрывался ухоженный сад и домик в идеальном состоянии. Красная плитка порога отполирована и без единой пылинки; окна, затянутые белой сеткой, чистые даже в углах, рамы сияют свежей краской.

Джин застегнула кофту на все пуговицы, чтобы скрыть пятно от мороженого, сняла с головы платок, провела рукой по примятым волосам и нажала кнопку звонка. Он слабо звякнул где-то в глубине дома, и через мгновение дверь открыла седовласая дама, одетая, словно в разгар зимы, в шерстяное платье, халат, толстые чулки и тапочки из овчины. Ее сразу можно было узнать по фотографии из архива Святой Цецилии, и вдобавок в твердом взгляде, остановившемся на Джин, было что-то одновременно властное и успокаивающее, что определенно выдавало в ней старшую медсестру.

– Заходите, я вас ждала, – сказала она и добавила, заметив, как удивилась Джин:

– Я не ясновидящая. Мне позвонила Сьюзен Тревор из школы и предупредила, что вы придете.

Таким образом, представления были бы излишними, и Джин провели вглубь дома в комнату, где надо всем возвышалась горка с фарфоровыми фигурками. Тридцать, а то и сорок кукол уставились на нее стеклянными глазами, еще несколько лежали на столе среди разнооб-

разных тряпок и губок: их, очевидно, мыли. Толстый полосатый кот, воспользовавшись временной отлучкой хозяйки, вспрыгнул на стол и топтал хрупкие кружевные платья, как будто уминал траву.

– А ну слезай, Ферди, негодяй. – Элис шлепком согнала его со стола.

– Вы меня застали в разгар весенней уборки, – сказала она. – Мои девочки чудовищно пылятся.

– Могу себе представить, – ответила Джин, слегка обескураженная таким количеством фарфоровых лиц, обмякших тел и мертвых волос; да и коллекционирование кукол взрослой женщиной показалось ей довольно жалким хобби. Но из вежливости и, возможно, чтобы с лихвой загладить свое инстинктивное отвращение, она склонилась над разложенными на столе куклами, бормоча слова восхищения, и, выбрав одну, наименее отталкивающую, в костюме пастушки, произнесла:

– Эта очень хорошенькая. Какое милое личико.

Позже она задумалась, не отдаленное ли сходство с Маргарет Тилбери – темные кудри, голубые глаза – определило ее выбор.

Элис Хафъярд воодушевилась.

– О, она вам понравилась? Она моя любимица. Такое осмысленное выражение – для пастушки.

– И детали, – добавила Джин, вглядываясь в миниатюрные оборки на корсаже и крошечные обтянутые тканью пуговицы и поражаясь тому, сколько усердия было приложено, чтобы одеть какую-то игрушку. Ее собственные наряды никогда не были так хорошо сшиты.

– Вы, наверное, думаете, что я глупая старуха, которая играет в куклы, – сказала Элис.

– Вовсе нет, – ответила Джин, хотя примерно это и подумала. – У вас тут целая коллекция – хоть музей открывай.

– Каждый раз говорю себе, что больше ни одной не куплю, но потом прохожу мимо комиссионного магазина, вижу какую-нибудь всеми забытую куклу и не могу удержаться. А вы что-нибудь коллекционируете?

– Не то что бы, – ответила Джин, с неожиданным беспокойством вспомнив свой ящик, полный неиспользованных “сокровищ”.

– Ну, раз вы репортер, вы, наверное, собираете истории.

– Как хорошо вы сказали, – ответила Джин.

В следующий раз, когда ей придется писать отчет о мировом суде, она будет считать себя хранителем человеческих историй. Беатрис Кейзмор из Сидкапа, Фрэнт-авеню, признавшая себя виновной в краже пары перчаток стоимостью 2 фунта 11 шиллингов из галантерейного магазина “Доусон & Со”; Роланд Крэбб, оштрафованный на 10 фунтов за то, что держит собаку без лицензии, – вот ее куклы.

– В истории, которую я сейчас пытаюсь добавить в свою коллекцию, – продолжала она, почувствовав, что разговор удачно принял нужное направление, – речь идет о пациентке лечебницы Святой Цецилии (как раз тогда вы были там старшей медсестрой). Если все подтвердится, это будет выдающаяся история.

Элис отложила куклу, которую держала в руках, и одарила Джин внимательным, испытующим взглядом. Голубизна ее глаз казалась еще ярче по контрасту с чуть желтоватыми белками, как у фарфорового кукольного лица.

– Продолжайте.

– Помните ли вы девочку по имени Гретхен Тилбери, то есть Эдель – так ее тогда звали?

– Я помню всех своих пациентов, – сказала Элис, – так что да, я прекрасно помню Гретхен. Прелестная девочка. Она ужасно мучалась. Ревматоидный артрит. Непрерывные сильнейшие боли. Бедняжка.

– Как вы считаете, она была честная?

Элис надо было подумать.

– Да. Не про всех девочек, которые у нас лечились, я могу так сказать. Но Гретхен была, что называется, хорошая девочка.

– Пока она у вас лечилась, она когда-нибудь покидала клинику?

– Господи, нет, конечно. Она с кровати едва вставала. Приходилось вдвоем ее поднимать и сажать на унитаз. Она почти не могла двигаться.

– Если я назову даты ее пребывания, вы, наверное, сможете их подтвердить?

– По памяти не смогу, – ответила Элис. – Но у меня сохранились дневники за те годы.

Это было многообещающе. На такое Джин и рассчитывать не могла.

– Вы все это время вели дневник?

– Не *личный* дневник. Просто отчет о рабочем дне – кого приняли или выписали, у кого какая процедура. Сломался котел. Все в таком роде.

– Если бы я смогла его почитать, – сказала Джин, – мне бы это несказанно помогло.

Ей уже представился сценарий, в котором Гретхен оплодотворил заезжий слесарь.

– Вы говорите загадками, – сказала Элис. – Надеюсь, вы не собираетесь мне сообщить, что с Гретхен что-то случилось.

– Нет-нет, Гретхен жива и здорова.

– Очень рада это слышать.

– И у нее есть маленькая дочка, которая, по-видимому, была зачата во время ее пребывания в Святой Цецилии.

Руки Элис Хафъярд метнулись к горлу и замерли на золотом распятии.

– Нет! Это невозможно! Кто же это вам такое нарасказывал?

– Сама Гретхен. Она была ошеломлена не меньше вашего. Она твердо убеждена, что это было непорочное зачатие.

Джин показалось, что она видит, как на побледневшем лице Элис сменяют друг друга разные чувства – потрясение, неверие, испуг. Она смогла заговорить только через несколько мгновений.

– Не знаю, что и сказать. Это невозможно. – Она покачала головой. – Дитя было невинно, как овечка. Она бы и не знала, с какой стороны подойти к мужчине. Да здесь и мужчин никаких не было. Монахини бы такого не допустили. Я бы такого не допустила.

– А доктора? Наверняка среди них были и мужчины?

– Доктор Риардон женщина и очень хороший врач. В палате с Гретхен находились еще три девочки – одна с ревматоидом, как же ее звали? Марта. Еще Бренда – они ее недолюбливали, и бедняжка Китти на аппарате искусственного дыхания. Девочки ни на минуту не оставались одни. Они и чихнуть не могли по секрету от монахинь.

– А как насчет посетителей? Отцы, братья, наемные работники?

– Мы никого не нанимали для хозяйственных работ. У нас были монахини, они все умели сами. Родственники приезжали по субботам во второй половине дня. Большинство пациентов были издалека, поэтому родители бывали только раз в неделю. Девочки никак не могли остаться с посетителем наедине – все лежали вместе в одной и той же палате. И там же всегда находилась медсестра, чтобы обеспечить пациентам тишину и покой.

– У Гретхен бывали посетители-мужчины?

– Нет, только мать. Они были очень близки.

– То есть, на ваш профессиональный взгляд, Гретхен не могла зачать ребенка обычным способом?

– Разумеется, нет, – твердо сказала Элис.

Ну а что ты еще скажешь, подумала Джин, до конца не решив, надежна ли Элис как свидетель. Кажется вполне разумной женщиной, но, с другой стороны, все эти куклы... Она ни за что не признает, что больная и слабая юная девушка могла забеременеть, находясь под ее

опекой. Но если ей важнее всего отвести подозрение от себя, она будет искать альтернативную версию и переведет стрелки на кого-нибудь другого. Джин решила устроить проверку.

– Самое очевидное объяснение – что Гретхен лжет: наверное, она была уже беременна, когда попала в больницу, и каким-то образом подделала даты.

Элис покачала головой.

– Ни за что не поверю. Она не такая.

– Но это единственное правдоподобное объяснение.

– Тогда придется обратиться к неправдоподобным.

– У вас медицинское образование. Неужели вы верите в непорочное зачатие?

– Здесь, в Бродстерсе, это трудно вообразить. – Она улыбнулась Джин слабой улыбкой. – Но за время своей работы я увидела столько странного – если не чудес, то уж точно не поддающегося объяснениям. И мне пришлось признать, что человек не может понять все. По крайней мере, я не могу.

– Мне больше нравится думать, что ответы где-то есть, и, если постараться, мы их отыщем, – сказала Джин, вдруг впервые поняв это про себя.

– Просто вы еще молоды, – сказала Элис. – У вас есть время.

Джин рассмеялась. Ей было тридцать девять, и уже много лет никто не называл ее молодой. В конце концов, есть свои преимущества и в компании пенсионеров.

– Надо достать вам этот дневник. – Элис не без усилия поднялась на ноги. – Мне может понадобиться ваша помощь.

Джин прошла за ней по коридору в скудно обставленную спальню окнами в сад. Там были узкая кровать, письменный стол, деревянный стул с гобеленовым сиденьем и огромный викторианский платяной шкаф во всю стену. В комнате было чисто, но стоял затхлый дух помещения, куда редко заходят. Над камином висела фотография в рамке, на которой, судя по всему, были запечатлены четыре поколения женщин семейства Хафьярд – в диапазоне от пухлощекрой крохи с ниспадающими кудрями до седовласой дамы в кресле. Джин показалось, что среди них она узнала Элис.

– Моя семья, – сказала Элис, заметив, куда смотрит гостя. – До войны.

Джин улыбнулась. Последняя фотография ее семьи в полном составе была сделана примерно в то же время. Но, само собой, не стояла на виду.

– Все дневники тут, – сказала Элис и показала на зеленый чемодан с веревочной ручкой и металлическими защелками, втиснутый в щель между резным карнизом шкафа и потолком. – Заберитесь на стул, если вас не затруднит.

Джин так и сделала, на миг испугавшись, когда под ее тяжестью хлипкий стул покачнулся и закрипел. Она потянула чемодан вниз, прижала к груди и аккуратно опустила на кровать, к беспокойным рукам Элис. В чемодан был вложен еще один, поменьше, а в него – еще один. Это ядро оказалось вместилищем самых разных удивительных сувениров – обшарпанная пыльная версия ее собственного ящика с сокровищами. Пока Элис перерывала его содержимое, Джин углядела слуховой рожок, пару кружевных перчаток, младенческий чепчик, губную гармонику, перевязанную лентой прядь каштановых волос, мяч для крикета, музыкальную шкатулку, спутанные нитки жемчуга и цепочки. В конце концов Элис извлекла из недр картонную коробку, а оттуда – дневник, один из множества одинаковых томов, и в мгновение ока нашла упоминание Гретхен Эдель.

– Поступила 2 июня 1946 года. Выписана 28 сентября того же года.

Джин кивнула. Неудивительно, что даты, которые назвала ей миссис Тилбери, подтвердились. Какой дурак станет врать о том, что так легко проверить.

– А монахини, которые были в больнице в одно время с Гретхен? Они все еще неподалеку?

– Когда здание Святой Цецилии продали, они вернулись в Ирландию. По-моему, в Голуэй.

– Жалко, – сказала Джин и отмела эту линию расследования.

– Кэмкин! – воскликнула Элис, все еще просматривая записи. – Вот как ее звали. Марта Кэмкин. Они были настоящие подружки. Дай им волю, болтали бы всю ночь напролет. Обычное дело, когда пациенты застряли в одной палате, особенно если у них одни и те же симптомы.

Джин за всю свою жизнь провела в больнице всего неделю. И дорого бы дала, чтобы на соседней кровати оказалась родственная душа.

– Гретхен ни разу ее не упомянула, – заметила она. – А ее муж сказал, что она ни с кем из лечебницы не поддерживает связь.

– Что ж, такие дружбы не всегда продолжаются за стенами больницы, – ответила Элис. – Семья Марты была, кажется, из Чатема. А Эдели, насколько я понимаю, жили где-то в Лондоне.

– В Уимблдоне, – уточнила Джин.

– Все вечно обещают не пропадать, – сказала Элис. – Но редко выполняют обещания. – В ее голосе внезапно послышалась грусть. – Только Бренда до сих пор шлет мне открытки на Рождество, но она теперь в Южной Африке.

– А у вас есть ее адрес?

– Да. Если вы захотите написать ей, я с удовольствием отправлю ей письмо.

– Похоже, имеет смысл поговорить еще и с Мартой Кэмкин, – сказала Джин. – Если получится ее найти.

– Ее отец был викарием, вдруг это поможет.

– Очень может быть.

– Она была не такая покладистая, как Гретхен. Немножко более ершистая, так сказать. Но вполне милая девчушка, – добавила она спохватившись. – И очень мужественная. Как мы ни старались, помочь ей не смогли.

Она протянула Джин свой дневник.

– Вы можете его взять на сколько вам нужно. Но я бы хотела в конце концов получить его обратно. Сама не знаю почему.

– Конечно, – ответила Джин, уловив намек на то, что пора уходить. Она только сейчас заметила, что у Элис утомленный вид. – А теперь я оставляю вас в покое. Вы мне очень помогли.

– Было приятно с вами поговорить, мисс...

– Суинни. Джин.

– Может быть, вы еще заглянете ко мне, расскажете, чем закончилось ваше расследование? “Эхо Северного Кента” у нас тут вряд ли купишь.

– С радостью.

– И, пожалуйста, передайте Гретхен, что я ее не забыла, – сказала Элис уже у дверей. – Я ее очень любила. И Марте тоже, если ее разыщете.

Подобрав велосипед, который провалился в лавровые заросли, и вновь повязав на голову платок, Джин напоследок обернулась и посмотрела на дорожку. В гостиной, между раздвинутых тюлевых занавесок, стояла Элис, держа у стекла куколку-пастушку. У Джин было ужасное предчувствие, что, если она помашет на прощание, Элис в ответ будет махать кукольной рукой; этого она бы не вынесла, поэтому просто улыбнулась и быстро повернулась спиной.

6

В десять утра, как и договаривались, миссис Тилбери и Маргарет ждали у касс на вокзале Чаринг-Кросс. Все переговоры об этой встрече велись через ювелирный магазин мистера Тилбери. На Маргарет была школьная форма, шляпка и ранец за плечами, поскольку Джин обещала, что она успеет вернуться в школу после обеда. Миссис Тилбери была в зеленом хлопчатобумажном платье, расшитом маргаритками, и маленьком белом жакете, как будто она собралась на летнюю свадьбу, а не в патологоанатомическую лабораторию в мрачном больничном крыле.

Люди обращивались, когда она стремительно шла через зал ожидания в своих босоножках с ремешками, может, в восхищении, а может, просто очарованные сходством между матерью и дочерью. Джин усмехнулась. Кому могло прийти в голову надеть белое для такой поездки?

– Какое красивое платье! – Она повысила голос, стараясь перекричать свистки, визг и шипение маневрирующих поездов и непрекращающийся поток объявлений по громкоговорятелю. – Вы наверняка скажете, что сшили его сами.

– Конечно, – ответила миссис Тилбери. – Я всю одежду шью себе сама.

Они поспешили к выходу, пробираясь сквозь умопомрачительную симфонию шума.

– В магазине такого не купишь – оно слишком хорошо на вас сидит.

Джин одернула свое собственное бесформенное одеяние в коричневых огурцах и собрала в горсть лишнюю ткань в районе талии. Оно было выбрано с учетом неизбежной городской сажи и пыли и в плечах было ей как раз, а во всех остальных местах – нет.

– Если хотите, я и вам сошью, – сказала миссис Тилбери, когда они затормозили у поворота, чтобы пропустить несущееся мимо черное такси. – Вы можете посмотреть мой альбом моделей и подобрать ткань. Я вмиг управлюсь.

– Не сомневаюсь, что у вас и без этого есть чем заняться, – сказала Джин.

– Но я хотела бы вас отблагодарить.

– За что? Я еще ничего не сделала. А может, и не сделаю.

– Сделали. Вы прочли мое письмо и отнеслись ко мне всерьез.

Еще неизвестно, что раскопают ученые, думала Джин, пока они ждали светофора на Стрэнде. Тогда и посмотрим на твою благодарность. Она переписывалась с Хилари Эндикотт, автором первоначальной статьи про партеногенез, и теперь в больнице Чаринг-Кросс собралась команда высокоученых докторов, жаждущих увидеть, измерить, проверить и проанализировать мать и дочь. По некоторым репликам доктора Эндикотт было ясно, что ее коллеги – люди крайне дотошные и что полгода для исследовательского проекта – вообще не срок. Если удастся получить результаты до конца года, это будет большая удача. Джин еще не сообщила об этом миссис Тилбери, у которой, похоже, сложилось впечатление, что ясность наступит через считанные часы.

– Давайте так, – сказала Джин. – Если вы возьмете с меня деньги по вашему обычному тарифу, я соглашусь. Но модель и ткань придется выбирать вам. От меня тут никакого толка.

– Вот и договорились. Вы зайдете ко мне, я сниму мерки, и мы вместе выберем модель. Что-нибудь по фигуре. Думаю, достаточно простое, – сказала она, косясь на Джин и как будто уже прикидывая размер.

– О боже, – вздохнула Джин, предчувствуя предстоящее унижение.

– А мне сегодня будут делать *инъекцию*? – спросила Маргарет, пока поток пешеходов почти нес их через дорогу.

Здесь, на Стрэнде, запах выхлопных газов от стоящих автобусов был невыносим. Джин чувствовала их пары на языке.

– Я ей уже сказала, что иголки наверняка не избежать, – сказала миссис Тилбери.

– Нет, это будет не инъекция, а наоборот, – ответила Джин девочке. – Инъекция – это когда тебе что-то вливают, а анализ крови – это когда что-то берут. Больно не будет.

– А я и не боюсь. Я даже когда на осу наступила, не плакала. Я не плакала с семи лет.

– А что с тобой случилось в семь лет? – Джин задала вопрос, которого, как она почувствовала, от нее ждали.

– Я должна была изображать Деву Марию в рождественском вертепе, но заболела ветряной оспой, и мне пришлось пропустить представление, и я плакала.

– Да, – подтвердила Гретхен. – Я сшила тебе голубое платье, а в нем пришлось выступать той, другой девочке.

Лицо Маргарет на секунду затуманилось – и так же внезапно просияло.

– Ты мне купила мою Белинду, чтобы меня утешить, – сказала она.

Как здорово, подумала Джин, у нее все чувства на лице написаны.

– Кстати, – сказала она Гретхен, поскольку при слове “кукла” ей тоже кое-что вспомнилось. – Я на днях встретила одного человека, и он просил напомнить вам о себе. Не догадываетесь, кто это?

По лицу миссис Тилбери пробежала тень неуверенности, щеки залил слабый румянец. Но уже через секунду она овладела собой и сказала:

– Нет, не догадываюсь. Вам придется сказать.

Вообще-то Джин не собиралась говорить о своем визите в Бродстерс. Казалось бестактным напоминать миссис Тилбери, что она все еще, так сказать, под следствием. Но это секундное замешательство не осталось незамеченным. Значит, о ком-то она подумала.

– Элис Хафьярд. Из Святой Цецилии. Она шлет вам добрые пожелания.

– О! – Миссис Тилбери рассмеялась и слегка встряхнула кудрями.

Что это – разочарование или облегчение? Джин не успела понять – лицо молодой женщины вновь стало непроницаемым.

– Старшая сестра. Я и не знала, что ее зовут Элис. Она совсем не похожа на Элис. Для нас она всегда была просто старшая сестра.

– Она очень тепло о вас вспоминала.

– Неужели? Я ее побаивалась.

– Правда? Я в ней не увидела ничего грозного. Скорее что-то... материнское.

– Наверное, я почти всех в то время боялась. Я была очень робкой девочкой. А она не то чтобы недобрая, но, сами понимаете, она была старшая сестра и не терпела баловства. Однажды она меня отчитала за болтовню во время тихого часа, и после этого я немного перед ней робела.

– Она сказала, что вы очень подружились с другой девочкой, Мартой.

– О да, Марта. Интересно, что с ней сейчас. И с Брендой.

– Вы не поддерживали с ними связь, когда выписались?

– Я всегда собиралась. Даже один раз поехала навестить Марту в Чатем, но это было далеко... И потом, когда возвращаешься в обычную жизнь, столько всего требует твоего внимания.

– К примеру, Маргарет.

– Да. С появлением ребенка все меняется.

Услышав свое имя, Маргарет встрепелась.

– Это Стрэнд?

– Да, солнышко.

– А если будем успевать, можно мы сходим пообедать в “Симпсонс”?

Миссис Тилбери рассмеялась и легонько ухватила дочь сзади за шею.

– Нет, конечно. Я сделала бутерброды, и тебя нужно вернуть в школу. – Она повернулась к Джин. – В прошлом году мы поехали в Лондон, потому что у Маргарет был экзамен по фортепиано, а потом зашли к мужу в магазин, и он сводил нас на обед в “Симпсонс” отпраздновать. А Маргарет решила, что мы теперь каждый раз так будем делать.

– А вы когда-нибудь были в “Симпсонс” на Стрэнде? – спросила Маргарет.

– Нет, никогда, – призналась Джин. Едят в городе другие люди, а ей не положено. С годами она приучила себя не расстраиваться из-за этого.

– Я заказала ростбиф и бисквит с хересом. Но я не опьянела.

– Когда все это закончится, я свожу вас куда-нибудь отпраздновать, – сказала Джин и тут же об этом пожалела.

Кто знает, как скоро и чем именно “все это” закончится и будет ли в итоге повод праздновать. Не стоит давать ребенку обещания, которые, возможно, придется нарушить. Дети ничего не забывают.

– Тут где-то неподалеку папин магазин, – пришла ей на помощь миссис Тилбери. Она сделала неопределенный жест куда-то налево. – Может быть, если будем успевать, забежим к нему, вот он удивится.

– А можно? – взмолилась Маргарет. – А вы видели папин магазин? – спросила она Джин.

– Вообще-то да.

– Там в витрине есть кольцо, которое стоит *четыреста фунтов*.

– О господи. Надеюсь, он его хорошенько запирает.

Они уже дошли до Агар-стрит и по невысоким каменным ступенькам стали подниматься к деревянной двери без таблички. Снаружи здание было похоже скорее на посольство или издательство, но внутри выложенного мрамором вестибюля стоял недвусмысленный едкий запах дезинфицирующего средства, типичный для всех больниц, в которых довелось бывать Джин.

Указатель направлял посетителей в процедурную, кабинеты патологии и рентгена, в комнату ожидания. Уборщица небыстро продвигалась вниз по широкой лестнице, погружая веревочную швабру в жестяное ведро с дезинфицирующим раствором и ввинчивала ее в каждый уголок, а уж потом дважды протирала каждую ступеньку. В ее ритмичных движениях и лязге, шлепанье и поскрипывании швабры и ведра было что-то почти гипнотическое. По обеим сторонам коридора то и дело открывались и закрывались со слабым хлопком вращающиеся двери: медсестры и санитары входили и выходили, двигаясь в своих туфлях на мягкой подошве тихо, но с сознанием важности и неотложности. Пациенты, в том числе Джин со спутницами, ходили не так уверенно.

За столом регистратуры сидели две женщины. Они негромко переговаривались и расставляли карточки. Разговор продолжался, пока не достиг естественной паузы – идеально рассчитанный интервал, призванный обозначить, что они обслуживают население на собственных условиях, – и только тогда они удостоили посетителей вниманием.

– Мы к доктору Сидни Ллойд-Джонсу, – обуздывая раздражение, сказала Джин.

Услышав это имя, привратницы мгновенно обрели почтительность.

– Конечно-конечно, вы ведь мисс Суинни? Он передал, чтобы вы проходили прямо к нему в кабинет, это в конце коридора.

– Нас ожидают, – прошептала Джин миссис Тилбери. – Это хорошее начало.

Доктор Ллойд-Джонс был высоким чопорным мужчиной под шестьдесят, с непослушной шевелюрой и в заляпанных очках, поверх которых он, моргая, смотрел как будто ослепленный материализовавшимся перед ним воплощением партеногенеза – человеческой особи женского пола. Он пожал руки всем, включая Маргарет, и призвал из соседнего кабинета коллегу, чтобы тот оценил сходство между матерью и дочерью.

– Это доктор Бамбер из отделения патологии, – сказал Ллойд-Джонс, пока все пятеро неловко топтались у него в кабинете, будто на фуружете в ожидании напитков. – Он будет ана-

лизировать пробы крови. Он в этой области большой авторитет, поэтому результатам можно доверять абсолютно. – Он обернулся к доктору Бамберу. – Хорошее начало, вам не кажется?

– Лучше не бывает.

Они широко улыбнулись друг другу, а потом миссис Тилбери. У Джин было такое чувство, будто они уже точат скальпели, чтобы разрезать ее на микропрепараты.

– Наверное, вам будет приятно для разнообразия никого не спасать, – заметила она.

– Да, так гораздо веселее, – согласился доктор Бамбер. Он был моложе своего коллеги, ниже и обаятельнее. – Мы, конечно, очень взволнованы. Такая возможность нечасто выпадает. Мы очень вам благодарны за то, что вы отдаете себя в наши руки.

Джин украдкой взглянула на его руки, не запятнанные физическим трудом и почти не по-мужски гладкие.

– Будьте добры, – сказал доктор Ллойд-Джонс, – отведите мать и дочь в процедурную на анализ крови и ответьте на все их вопросы. А я пока переговорю с мисс Суинни.

Как только они остались одни, Джин сказала:

– Сколько еще людей будет вовлечено в эти исследования? Я волнуюсь, как бы эта история куда-нибудь не просочилась.

– О, об этом можете не беспокоиться, – был ответ. – Все абсолютно конфиденциально. То есть медицинские данные пациентов и так конфиденциальны, но в нашем случае я буду держать их под замком. Пациенты будут обозначены как Мать А и Дочь. Медсестры только берут кровь – они понятия не имеют для чего. Все исследования будет проводить лично доктор Бамбер.

– Вы только не подумайте, что я вам не доверяю, – сказала Джин. – Просто для нас это важная история.

– Возможно, и для нас тоже.

– Я не переживу, если какая-нибудь ежедневная газета что-нибудь пронюхает раньше времени.

– Безусловно. Должен признаться, что, когда мы впервые про это заговорили, у меня были некоторые опасения. Но миссис Тилбери кажется вполне разумной женщиной, а ее случай – достаточно убедительный.

– Я все еще пытаюсь разобраться, – сказала Джин. – Мой первый порыв был ей поверить. А второй – не доверять собственным порывам.

– Если результаты анализов докажут обратное, вы очень расстроитесь?

– Да. Я, наверное, принимаю эту историю слишком близко к сердцу. Но Гретхен будет еще тяжелее. То есть миссис Тилбери.

– Да, непонятно, какой у нее может быть мотив. Вы предлагали ей деньги?

– Ни пенни.

– А может, ей важна истина? Как нам с вами? Надеюсь, разочарование будет не слишком сильным.

– Вы не верите, что она окажется права?

– С учетом теории вероятности – не должна. Но все же не будем делать преждевременных выводов.

На столе доктора Ллойд-Джонса зазвонил телефон. Он снял трубку и минуту слушал молча. До Джин доносилось бормотание мужского голоса на другом конце провода.

– Да, так и сделаю, – сказал он и повесил трубку.

– Это доктор Бамбер. Он хочет минутку-другую поговорить с матерью наедине. Вы не могли бы сходить отвлечь девочку?

– С удовольствием, – ответила Джин.

– Очень рад наконец познакомиться с вами лично, мисс Суинни. Пусть всех причастных ожидает – не хотелось бы говорить положительный, поэтому давайте просто скажем “интересный” исход дела. – Он протянул через стол руку, и она позволила ему дернуть себя за кисть.

Маргарет сидела на жестком деревянном стуле перед дверью процедурной. Она болтала ногами и читала брошюру о курении, озаглавленную “Приключения семьи Мудрых”. К сгибу локтя был хирургической клейкой лентой прилеплен кусочек ваты. При виде ее белых гольфов, перепачканных синим в тех местах, где они соприкасались с сандалиями, у Джин кольнуло сердце. Она вспомнила, как ее мать по воскресеньям каждый вечер доставала ящик со щетками и баночки обувной мази, чтобы почистить их с Дорри школьные туфли, и на мгновение почувствовала сожаление, что саму ее никогда не призовут отправлять этот торжественный ритуал.

– Я думала, это комиксы, – сказала Маргарет, откладывая брошюру, – а это не комиксы.

– Если хочешь комиксы, можем пойти поискать газетный киоск, – предложила Джин.

На Стрэнде они проходили мимо какого-то киоска.

– Почему люди курят? – спросила Маргарет, когда они шли обратно по Агар-стрит. – Как это на вкус?

– Как ни странно, на вкус это так же, как на запах. Как горящие листья. Поначалу неприятно, немножко как будто пьешь чай без сахара, но ты не сдаешься, и через некоторое время вкус становится вполне. А потом ты уже не можешь перестать.

– Я никогда не буду курить. А вы когда-нибудь ходили во сне? Я да.

– Вроде бы нет. А куда ты ходила?

– Просто в мамину комнату. Когда люди ходят во сне, их нельзя будить.

– Да, я слышала.

– Они могут умереть. А у вас есть домашние животные?

– Нет. А у тебя?

– Я очень-преочень хочу кролика. Или, может, котеночка. Но котята вырастают и попадают под машину.

Джин не смогла удержаться от смеха. Беспорядочная манера Маргарет вести разговор и ее мрачное воображение очень ее развлекали. Она почувствовала прямо-таки зависть к Грехен; испытывать беззаветную любовь такой дочери, каждый день наблюдать, как она растет, и знать, что она принадлежит только тебе.

Они уже подошли к газетному киоску; после некоторых уговоров Маргарет застенчиво показала на номер “Девочки”. Когда журнал наконец оказался у нее в руках, ее благодарность была совершенно несоразмерна ценности подарка; она почти дрожала от возбуждения.

Спонтанная щедрость была внове для Джин – раньше как будто и случая не было такое испытать. Конечно, они с матерью дарили друг другу на Рождество что-нибудь небольшое и полезное, но этим опыт дарения и исчерпывался. Дорри уже давно запретила ей посылать в Китае что-либо для нее или детей: почтовая пересылка стоит заоблачных денег, а вещи, скорее всего, конфискуют на таможне или потеряют.

Первое время Джин больно было видеть в витрине магазина игрушку или безделушку, способную привести в восторг племянника или племянницу, и она не обращала внимания на запрет и все равно посылала подарки. Но Дорри ни разу не написала ей, что получила их, а сама Джин не стала спрашивать и постепенно отказалась от этой привычки. Все это она вспомнила сейчас и устыдилась.

Маргарет болтала без остановки. Джин включилась на словах “А вы когда-нибудь видели?”

– Кого?

– Ангела.

– Нет, – твердо ответила Джин, но потом слегка смягчилась. – Но я и земного притяжения никогда не видела, а ведь оно, тем не менее, существует.

Это, кажется, произвело впечатление на Маргарет.

– Я никогда не видела ни одного ангела, – сказала она. – Но я их слышала.

Заявление было так неожиданно и при этом сделано так буднично, что у Джин мурашки пробежали по коже.

– И что они говорят? – Ей было не по себе.

– Они не *говорят*. Они *поют*. Так я и понимаю, что это ангельские голоса.

– А. Они поют псалмы?

– Нет. Просто смешные слова, снова и снова. Как габардин.

Джин прыснула. Какой практичный ангел! Тканью для плаща интересуется. Наверное, у него мама – портниха?

Маргарет тоже засмеялась, открыв неровный строй молочных зубов, дырок и новеньких, еще зазубренных резцов.

– Вы, что ли, никогда не слышите голоса? – спросила она.

– Вроде того, – ответила Джин осторожно. Она совершенно не собиралась поддерживать всякую сверхъестественную ахинею, но и прихлопывать ее здравым смыслом, как огромной мухобойкой, ей тоже не хотелось. – Но мои голоса говорят примерно такое: “Пирог тебе, пожалуй, уже хватит” или “Не пора ли наконец написать сестре?”

Но от Маргарет так дешево было не отделаться.

– Ну да, так у меня тоже бывает, но это не то. Это просто я думаю разные вещи. Ангельские голоса – они другие.

– По-моему, бояться нечего, – сказала Джин, хотя Маргарет и так выглядела совершенно беззаботно.

– Я и не боюсь, – был ответ. – Мне они нравятся. Только иногда они говорят незнакомое слово – вот тогда они меня раздражают.

– Когда ты говоришь “незнакомое слово”, ты что имеешь в виду – слово, которое тебе уже попадалось, но ты не знаешь, что оно значит?

– Нет. Я имею в виду слово, которое я никогда не слышала. Как “Линденбаум”. Или “фаланга”.

Джин чувствовала, как этот разговор выносит ее, словно мутной волной отлива, на неведомые берега. Как можно услышать в голове голос, произносящий слово, которого в твоей голове еще нет?

– Ты для меня слишком умная, – сказала она и вдруг с ужасом поняла, что повторяет фразу своей матери: так она говорила ей или Дорри, чтобы прекратить любой разговор, грозящий принять нестандартный оборот. В детстве это казалось комплиментом, но на самом деле у них перед носом захлопывали дверь; и сейчас она сама делает то же самое.

– Маргарет, мне нравится с тобой разговаривать, – сказала она. – Ты гораздо интереснее, чем большинство моих знакомых взрослых.

– Мама говорит, что я задаю слишком много вопросов.

– Задавать вопросы нормально. Это признак ума. Как же иначе обо всем узнать?

Может быть, это все от одиночества, размышляла Джин. Все-таки ей нужен этот самый кролик или котенок. Она перебрала в уме других известных ей единственных детей; они проводили слишком много времени в обществе взрослых без вредного воздействия братьев и сестер и часто выглядели не по годам развитыми или странными.

Маргарет покосилась на нее, взмахнув ресницами.

– Вы хорошая, – заключила она, и Джин, не привыкшая получать комплименты, почувствовала, что краснеет от удовольствия и неожиданности.

Они дошли до вестибюля клиники; миссис Тилбери как раз выходила из женского туалета, взволнованная и с немного покрасневшими веками. Она заново напудрила только нос, в

других местах лицо блестело. На какой-то ужасный миг Джин пришло в голову, что, наверное, она очень тревожилась, не понимая, куда делась Маргарет.

– Простите, вы, наверное, нас потеряли.

– Нет – я только что вышла.

– Смотри, мисс *Свинни* купила мне журнал. – Маргарет продемонстрировала свою “Девочку”.

– Как мило с ее стороны.

– Вы чем-то расстроены? – спросила Джин, понизив голос. – Ничего не случилось?

– Не обращайтесь внимания. – Миссис Тилбери так старалась держать себя в руках, что у нее звенел голос. – У меня все в порядке.

– Точно? Вам не было больно?

– Нет, вовсе нет. Все было совершенно безболезненно. Просто я... – Она несколько раз моргнула и помотала головой. – Я такая дурочка. Думала, что все будет решено прямо сейчас.

– О боже, – сказала Джин.

– Но доктор Бамбер сказал, что будет еще много анализов. Все может растянуться на несколько недель или даже месяцев.

– Я должна была вам лучше объяснить, – сказала Джин, подталкивая ее к стоящим в ряд стульям. – Я не поняла, что это срочно.

– Просто я думала, что сейчас все уладится, и на этом все.

– Все немножко сложнее. Мне очень жаль, что вы огорчились.

Миссис Тилбери промокнула глаза изящным носовым платочком.

– Может, вас беспокоит то, что придется ездить в Лондон? Мы, конечно же, возместим все расходы.

Придется пресмыкаться перед брызжущей ядом Мюриэл из бухгалтерии. Она ни единого пенни не сдаст без боя.

– Да нет, не в этом дело. – Миссис Тилбери сглотнула. – Я совсем не против поездок.

– Мне нравится приезжать с тобой в Лондон, мамочка, – сказала Маргарет и стиснула руку матери. – И школу пропускать мне не жалко.

– Доктор Бамбер сказал, что, даже если анализы крови совпадут, это ничего не доказывает. Тогда какой в них смысл?

– Сам по себе анализ крови не докажет, что непорочное зачатие было. Зато если анализы не совпадут, значит, его точно не было. Так что это первый шаг.

– Мне кажется, что вы мне не верите.

– Неважно, верю я вам или нет, – сказала Джин. Вдруг миссис Тилбери начала сомневаться во всем предприятии и ищет предлога, чтобы от него отказаться?

– Мне важно. – В ответе слышался упрек.

– Я не не верю вам. – Это двойное отрицание нельзя было вполне приравнять к утверждению, но она и так зашла дальше, чем собиралась.

Миссис Тилбери кивнула; кажется, к ней вернулось самообладание.

– Простите. Вы совершенно правы. Я просто должна дать докторам делать их работу. Наверное, больницы так на меня действуют. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания.

– Это так естественно, – сказала Джин, и они пошли обратно к Стрэнду, где разделились: мать и дочь направились на Бедфорд-стрит к мистеру Тилбери, а Джин на Чаринг-Кросс.

К моменту прощания общее настроение вполне восстановилось, но по дороге домой Джин все прокручивала в голове этот разговор, озадаченная и не уверенная, что понимает истинную причину странной нетерпеливости миссис Тилбери.

7

Уважаемая миссис ван Линген!

Надеюсь, вас не смутит, что я связываюсь с вами таким обходным путем.

Это письмо любезно предложила переслать вам наша общая знакомая, миссис Хафъярд; меня интересуют ваши воспоминания о времени, которое вы провели в лечебнице Святой Цецилии с июня по сентябрь 1946 года. Особенно меня интересует все, что вы сможете вспомнить о другой пациентке лечебницы, Гретхен Эдель, которая в тот же период зачала там дочь – событие совершенно неординарное, как вы наверняка согласитесь, и произошло буквально у вас под носом. Если вы можете пролить на это свет или вспомните любую имеющую значение деталь, буду премного благодарна получить ответ на вышеуказанный адрес; или же вы можете позвонить мне в рабочие часы за наш счет.

(Печатая эти слова, Джин ужаснулась, пытаясь себе представить, как она обоснует эти расходы Мюриэл из бухгалтерии.)

Следует добавить, что я провожу свои изыскания с ведома и согласия Гретхен Эдель.

*Искренне ваша,
Джин Суинни,
штатный репортер
“Эхо Северного Кента”*

8

– Расслабьтесь. Не надо так сильно втягивать живот, а то мерки получатся неправильные.

Джин стояла, руки в стороны, как на кресте, пока Гретхен сновала вокруг нее с портновским сантиметром и вписывала цифры в таблицу рядом со схематическим изображением женского тела, расчерченным линиями вдоль и поперек. Помимо бюста, талии и бедер существовали, очевидно, и другие мерки, без которых не обойтись, если твоя цель – хорошо сидящее платье. От затылка до шеи (сзади); от подмышки до локтя; от талии до колена (спереди); от плеча до плеча (сзади); от подмышки до талии (сбоку); предплечье (обхват).

Джин была рада, что предусмотрительно надела свою наименее древнюю комбинацию – лучшую из никудышных – и прочное белье, которое сейчас утягивало подушку мягкой плоти на животе и врезалось в ляжки.

– Трудно расслабиться, когда так щекотно, – сказала она, вздрагивая, пока сантиметр скользил по шелковистому нейлону.

– Готово. Думаю, у вас четырнадцатый размер, если кое-что подправить.

– Можно и так сказать, – сказала Джин и потянулась за юбкой и блузкой. Несовершенство беглого английского Гретхен сказывалось в первую очередь на тактичности. Они поднялись наверх в комнату, где Гретхен занималась шитьем. В одном углу был портновский манекен в сером атласном вечернем платье, вывернутом наизнанку, сметанном и сколотом булавками. Швейная машинка “Зингер” стояла на краю большого кроильного стола, на котором распротерся отрез набивного ситца; детали выкройки неопределимого предмета одежды из папиросной бумаги были приколоты на места – причудливые абстрактные фигуры, никак, казалось, не связанные с человеческой. Джин посмотрела на Гретхен другими глазами: оказывается, ее работа требует не просто умений, а творчества и мастерства.

Каким-то образом, безо всяких обсуждений, они стали называть друг друга по имени. Слишком уж странно обращаться друг к другу “мисс или миссис такая-то”, стоя в одном белье. Джин была только рада распрощаться с “мисс Свинни”.

Приглашение пришло, когда она была на работе. Говард по просьбе Гретхен позвонил ей в газету. Его голос звучал издали и нерешительно, и Джин представила себе, с какой неохотой он взялся именно за это поручение.

– Моя жена спрашивает, не захотите ли вы составить нам компанию за чаем в воскресенье. Она что-то упомянула про пошив платья. Будем только мы и Маргарет, ничего официального.

Со времени последней встречи с Гретхен в больнице Джин велела себе строго соблюдать профессиональную дистанцию и избегать любого намека на дружеские отношения, которые повлияли бы на ее способность мыслить здраво и могли бы еще усложнить предстоящий им рано или поздно непростой разговор. Но услышав это запинаящееся приглашение, она пошла на попятный и немедленно его приняла.

Надо сознаться, подходящие новые знакомства были слишком редким явлением, чтобы от них отказываться. Ее коллеги в газете были вполне приятной компанией, но только в рабочие часы. Они не общались между собой помимо работы, не считая пятничных вечеров в пабе, из которых Джин себя уже исключила. Старые школьные подруги все замужем и разъехались, а их выходные поглощены семейной жизнью. С одинокой женщиной всем неудобно. А вот чете Тилбери, кажется, она нравится, они даже смотрят на нее снизу вверх, как на влиятельного и значительного человека. Польщенная и очарованная их вниманием, она готова была расцвести и раскрыться в их обществе, стать той интересной женщиной, какой они ее видят. А еще была Маргарет, то ли совершенно обычный ребенок, то ли исключительно, невероятно особенный. Но так или иначе, она пробудила в Джин, казалось бы, надежно похороненные желания.

Приняв приглашение, Джин столкнулась с двумя новыми проблемами: как оставить мать на добрую часть воскресенья и чем ответить в свою очередь. Первая проблема решилась чудесным образом как-то вечером по дороге от врача. Она ехала на велосипеде, а впереди с трудом поднималась в гору, волоча несколько разбухших авосек с продуктами, Уинни Мэлсом, знакомая матери с тех времен, когда она еще ходила в церковь.

Однажды возникли разногласия по поводу ежегодного сбора подарков для бедных детей прихода. Кто-то заявил, что вязаные игрушки, набитые резаными нейлоновыми чулками, это негигиенично. Миссис Суинни, которой нравилось вязать куколок, оскорбилась и в церковь ходить перестала. Она была не особенно верующей, да и службы ей не нравились, так что потеря была невелика.

Джин налегла на педали и поехала рядом с миссис Мэлсом, которая от неожиданности испуганно вскинула голову.

– Здравствуйте. Давайте я вам помогу, – сказала Джин, слезла с велосипеда и освободила сопротивляющуюся женщину от сумок, пристроив одну в корзинку, а две другие – на руль.

– Вы очень любезны, – сказала миссис Мэлсом, которая не сразу опознала Джин и отказалась от мысли, что ее грабят среди бела дня. – Напрасно я купила столько – больше, чем могу унести. Как хорошо, что вы проезжали мимо.

Они вместе пошли вверх по холму, Джин вела велосипед. Миссис Мэлсом жила в одном из викторианских коттеджей на Кестон-роуд, немного дальше, чем Джин. Она вспомнила, что у Мэлсомов имеется дочь Энн, которая, как и Дорри, живет за границей. Боль разлуки когда-то связывала двух матерей – до известного предела. Энн, в отличие от Дорри, регулярно приезжала домой.

– Как дела у Энн? – спросила Джин.

– О, прекрасно. Как раз вчера получила от нее письмо. Она пишет каждые две недели.

– Дорри тоже, – ответила Джин, чтобы не ударить в грязь лицом – скорее ради матери, чем ради Дорри.

Когда-то это так и было, а сейчас, похоже, даже такая мизерная жертва стала для нее непосильной. Светская жизнь в Китале – теннис, коктейли, читка пьес – не оставила места даже для такого скромного акта дочернего внимания. Джин привычно почувствовала, как в ней закипает негодование, и постаралась его подавить. От него одно несварение.

– Я все собираюсь навестить вашу матушку. Слышала от кого-то, не помню от кого, что она уже почти не выходит из дома.

– Да. Она не очень твердо держится на ногах. Потеряла уверенность.

Эту часть правды можно было сообщать посторонним, не испытывая неловкости.

– Может, она будет рада гостям?

– Будет. – Джин пришлось постараться, чтобы в голос не прокрались нотки отчаянного желания. – Ей бывает немного одиноко в исключительно моей компании.

– Может быть, мне заскочить в выходные?

Внушить миссис Мэлсом, что идеальное время – воскресенье днем, удалось почти без маневров. Джин оставалось только осторожно преподнести этот план матери – она может возмутиться, что к ней пытаются приставить няньку. О своих собственных намерениях она решила не упоминать, пока визит Мэлсом не будет утвержден.

Самым благоприятным моментом для такого разговора был конец четверга, вечер мытья головы. Пока матери приводили в порядок волосы, она была сама покладистость и благодарность. Мать нагнулась над раковиной, а Джин втирала ей в волосы шампунь “Сансилк” и смывала пену водой из кувшина. Потом она уселась на кухне с наброшенным на плечи полотенцем и пакетом бигуди на коленях. С мокрыми волосами она выглядела совсем древней и беззащитной, и в ней едва можно было различить женщину. У Джин защипало в глазах от нежности, когда она провела расческой по почти голому черепу матери и приняла решение быть добрее.

– Встретила на днях миссис Мэлсом, – сказала она, подняла прядь волос и накрутила их на розовые нейлоновые бигуди. – Шпильку.

Мать передала ей шпильку и слегка поморщилась, когда Джин слишком туго натянула волосы.

– Она сказала, что собирается навестить тебя в воскресенье.

– Неужели? Интересно, что ей нужно.

– Ничего ей не нужно. Бигуди. Она просто хочет тебя поведать.

– Что ж, сама с ней будешь разговаривать. Мне нечего сказать.

Все пошло не так, как надеялась Джин.

– Уж тебе найдется, что сказать. Шпильку. Она не меня хочет видеть.

– Не знаю с чего бы. Мы с ней сто лет не виделись. Ай!

– Прости. Теперь дай желтую.

Мать порылась в пакете и передала вверх желтую. Желтые бигуди были потолще, со щетиной подлиннее и держались как нельзя лучше.

– Когда-то мы были вполне дружны.

– Именно. Компания пойдет тебе на пользу. Шпильку.

– Вряд ли она придет.

– Придет, конечно. Мы обо всем договорились. Я испеку вам вкусный бисквит. – Она моргнула. Местоимение ее выдало, и мать тут же ринулась в атаку.

– А ты сама где будешь?

– Я... Меня пригласили на чай Тилбери. Желтую, пожалуйста.

– В первый раз про них слышу.

– Я тебе рассказывала. Швейцарка. Я пишу про нее статью.

– В воскресенье? Тебя раньше не заставляли работать по выходным.

– Это светский визит.

– О. Ну что ж, раз так, придется мне одной развлекать миссис Мэлсом.

Они погрузились в молчание, Джин – втайне ликующая, что одержала победу, мать – подозревая, что ее переиграли. Но когда волосы высохли, улеглись аккуратным белым облачком и ее образ был восстановлен, развеселилась и она.

– Очень мило, спасибо, – сказала она, поворачивая голову сначала в одну, а потом в другую сторону, чтобы проверить, как она выглядит в двух ручных зеркальцах, которые Джин ей подставила.

Покончив с мерками, Гретхен извлекла тяжеленный каталог выкроек “Симплисити”, пролистав его до раздела платьев и предложила Джин поглядеть.

Выполненные акварелью иллюстрации изображали причудливую расу неправдоподобно стройных и высоких женщин с утянутыми талиями, укороченным телами и удлиненными ногами, которые завершались игриво оттопыренными пальчиками. Перед лицом этого карикатурного блеска сложно было не упасть духом, и Джин безучастно перелистывала страницы.

– Я мало понимаю в моде, – в конце концов произнесла она. – Выбирайте вы, что-нибудь не слишком сложное.

– Сложное меня не пугает. Его интереснее шить. Но я думаю, что простой крой вам подойдет больше. – Гретхен открыла каталог на странице, отмеченной загнутым уголком. – Думаю, на вас это будет смотреться элегантно.

Это было приталенное цельнокроеное платье с круглым воротом, белым кантом и рукавом три четверти. В изображении художника оно выглядело чрезвычайно элегантно, но, очевидно, на фигуре Джин четырнадцатого размера (если кое-что подправить) будет по-другому. И все же на нее произвело впечатление, что Гретхен, ничего заранее не обсуждая и не зная о ее

вкусах, выбрала из этого огромного ассортимента именно то, что она и сама могла бы выбрать и даже, может, носить с удовольствием.

– Да, оно чудесное.

– Только не черное. Слишком сурово. Лучше темно-синее или зеленое.

– Да. Синее.

– Это будет в самый раз, – сказала Гретхен и с оглушительным звуком захлопнула тяжеленную книгу.

Вот только когда у меня будет повод его надеть, подумала Джин.

Спускаясь по лестнице, она не удержалась, заглянула в открытую дверь спальни и с удивлением обнаружила две односпальные кровати рядышком, аккуратно застеленные парными стегаными зелеными с розовым покрывалами. Проход между ними был узкий, не встанешь, но все же это была пропасть. Прежде она никогда не встречала такого у женатых пар – только как альтернативу невозможному разводу. Ее бабушка с дедушкой безрадостно сосуществовали таким манером десятки лет, пока смерть их не освободила, но брак Тилбери не имел ничего общего с их ледяным противостоянием.

В саду Маргарет и ее подруга Лиззи играли в бадминтон, перекидывая воланчик через драную сетку, натянутую между оградой и сливовым деревом. Корт ограничивали клумбы по бокам, альпийская горка в одном конце и грядка в другом.

Там же, среди рядов фасоли, Говард, вооружившись ведром мыльной воды и насосом-распылителем, сражался с белокрылкой. Его пиджак висел на воткнутой в землю лопате. Он был в рубашке с галстуком, как будто для рабочего дня в конторе. Он помахал женщинам, когда они вышли во внутренний дворик, где были расставлены для чаепития стол и три складных стула.

– Ваш сад безупречен, – сказала Джин. – Я посрамлена.

Это была не просто вежливость; на клумбах – параллельных полосах взрыхленной земли – размещались ухоженные кустарники разных цветов, текстур и высоты и аккуратные группки однолетников в полном цвету. Края лужайки были безжалостно подрезаны; лук-порей и капуста на грядке росли прямыми рядами через идеально равные промежутки.

Джин подумала, что в этой строгой упорядоченности есть своя красота. Она и сама была добросовестным садоводом, но никогда не достигала таких результатов за те несколько часов в неделю, которые удавалось урвать на садовые работы. Все время, кажется, уходило на борьбу с хаосом, тут уж не до изысков.

– Это все Говард, – сказала Гретхен. – У нас очень четкое разделение обязанностей. Я – по дому, он – в саду.

– А я и там, и здесь, – сказала Джин. – И везде, боюсь, не на высшем уровне.

Сейчас она не могла вспомнить, что она раньше рассказывала – и рассказывала ли вообще – о своей домашней ситуации, поэтому упомянула о том, как благодаря удачному вмешательству миссис Мэлсом ее визит стал возможен.

Гретхен ужасно расстроилась.

– Я и представить себе не могла, что все так сложно, – сказала она. – Естественно, мы бы с радостью пригласили и вашу маму.

– Очень мило с вашей стороны, но иногда приятно улизнуть одной.

– Разумеется. А что, ваша мама настолько слаба здоровьем, что ее даже ненадолго нельзя оставить?

– Она не то чтобы тяжело больна, но почти никогда выходит из дома. Когда я на работе, с ней все в порядке, потому что она понимает: это необходимо. Но все остальное время... Она никогда не говорит буквально: “Не уходи, не оставляй меня одну”, все не так прямолинейно. Но если я где-то развлекаюсь без нее, я чувствую себя виноватой.

– Но она же наверняка не против того, чтобы вы хорошо проводили время?

– Мне кажется, такого понятия для нее не существует. По крайней мере с тех пор, как умер мой отец.

Что-то она разговорилась, это не для застольной беседы. Ну и ладно.

– Мать слишком стара для перемен. Сейчас для нее важнее всего в жизни удобства, заведенный порядок и маленькие радости вроде лакомств. – На мгновение Джин ужаснулась: не себя ли она описывает.

– От распорядка может быть много пользы, – сказала Гретхен. – Особенно когда пытаешься вести хозяйство. Но он должен быть – она развела руками – *elastisch*².

Джин рассмеялась:

– Портновская метафора.

Этот разговор что-то всколыхнул у нее в памяти. Габардин! Она понизила голос.

– На днях Маргарет рассказывала мне про ангельские голоса. Я немного растерялась.

Гретхен улыбнулась.

² Эластичный (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.